
Виталий Раца
Мародеры.
Начало

Виталий Раца

Мародеры. Начало

«Автор»
2026

Раца В.

Мародеры. Начало / В. Раца — «Автор», 2026

Римус Люпин, Сириус Блэк, Джеймс Поттер, Питер Петтигрю, впоследствии известные как "Мародеры", поступают в школу Хогвартс. В первый же год они сталкиваются с заговором, который стараются раскрыть, что приводит к первым столкновениям с силами зла.

© Раца В., 2026
© Автор, 2026

Мародеры. Начало

Глава I
Лайелл Люпин.

Бристольский почтальон мистер Маркофф служил в округе Редленд. Это был немолодой уже мужчина с короткой стрижкой редких седеющих волос, невысокий и худощавый. Даже несмотря на возраст, его серые глаза смотрели на свет все еще с интересом и удивлялись тому как быстро меняется мир. Прошло уже двадцать пять лет как сержант королевской морской пехоты Уильям Маркофф вернулся с большой войны, о которой он не любил вспоминать. Но две вещи иногда о ней напоминали – это боевое ранение и потемневшая медная медаль «Атлантическая звезда», приколотая к старому кителю. Годы наградили лицо ветерана неровными линиями глубоких морщин, но не смогли спрятать на лице ни достоинства, ни прямоты. Военная служба, а также семейные традиции воспитали в Уильяме пунктуальность и строгое соблюдение правил. Правду сказать, природное любопытство и цепкий глаз уже не раз мешали исполнению этих самых правил в точности с установленным порядком. Его служебный мундир и фуражка, с изображением льва и единорога на кокарде, были хорошо известны жителям Кенсингтон – Роуд, Стенли – Роуд, Чендос – Роуд и некоторых других улиц, где он исправно раз-

носил почту по одному и тому же маршруту. Он знал о всех событиях на своем участке, а также знал многих жителей тех улиц, которые обходил. Кого-то просто приветствовал, а с кем-то даже имел приятельские отношения. Только вчера закончилась забастовка почтовой службы, продолжавшаяся более двух месяцев и жильцы домов выходили на улицы, встретить своего почтальона, заскучав по новостям, слухам и родному для всех мундиру Уильяма:

— Привет, Уильям! Нет ли письмеца от моей тетушки? – приветствовал почтальона молодой франт.

— Нет, Кэмерон! Только еженедельник.

— Уильям, как тебе наш Медведь?! Наломал он дров, верно! Шиллинг, говорят, больше не чеканят!

Новый премьер-министр Великобритании Эдвард Хит имел прозвище «Вересковый Медведь». Его фамилия писалась как «Heath», что значит «Вереск», а сокращение от Эдвард - Тэдди. В Англии всех игрушечных медвежат называли Тэдди. Хит был спорной личностью и у многих его назначение не вызывало восторга. Одной из его реформ был переход на новую десятичную финансовую систему, что ставило крест на старинной монете.

— Поживем – увидим, Стенли! Но шиллингу, похоже, и правда конец!

— Мистер Маркофф, вы слышали о новой книге «Бомбардировщик»? Говорят, пользуется успехом!

— Вы же знаете, миссис Кавендиш, я не читаю современных книг. Тем более о войне. Откуда им знать, как все было! Те, кто пишет о ней сейчас, вряд ли мне расскажут что-то, чего я сам не знаю!

— Уильям, Бристоль – Сити ожил?

— Да, с приходом Дикса у нас появилась надежда!

Футбольная команда Бристоля никогда не блистала, и местные болельщики не были избалованы большими победами, но любили свою команду. Хорошая спортивная подготовка Уильяма, в свое время, давала надежду попытать счастья в этой великолепной игре, но война и ранение все перечеркнули, и мистер Маркофф стал почтальоном в Редленде - это один из районов в Бристоле. Он рассудил, что ходьба на свежем воздухе будет ему полезна, а доставка писем и чувство собственной значимости в целом городском районе как ничто лучше восстанавливает душевное равновесие. Одна из улиц, которые обходил почтальон, называлась Брайтон – Роуд. Это была симпатичная улица с каменными трехэтажными домиками, с одинаковыми черепичными крышами, кирпичными трубами и двустворчатыми окнами. Первый этаж каждого домика, в котором размещались кухня и гостиная, находился несколько ниже уровня земли. Войти туда можно было через отдельную дверь, спустившись на несколько каменных ступеней. Парадный вход вел сразу на второй этаж. Перед парадным входом символический забор, сложенный из известняка и по колено высотой, а также небольшой палисад. Со внутреннего двора, через проулок, дом примыкал к такому же дому - близнецу с параллельной улицы. Отличие было только в цвете ставен и дверей.

В доме № 11 по Брайтон – Роуд в декабре 1970 года появились новые жильцы. Это была семейство по фамилии Люпин. Молодая супружеская пара Лайелл и Хоуп, а также их сын Римус, которому на вид было лет десять. Уильям сразу обратил внимание на эту семью. Что-

то в них было …необычное! Что-то, что не давало ему покоя. То ли их странное поведение и отчужденность, то ли чертовщина, которая мерещилась почтальону рядом с их домом, то ли еще что. Но уже через пару месяцев мистер Маркофф не сомневался в их необычности и обходил Брайтон – Роуд чуть дольше остальных улиц, пытаясь увидеть или услышать немного больше того, что знал. Казалось бы, что тут не так?! На первый взгляд - обычная семья. Но любопытный взгляд выхватывал из общей картины мелочи, которые наводили на странные мысли. Отец мальчика – Лайелл, не заводил знакомств с соседями, лишь изредка приветствовал Уильяма кивком головы или парой фраз, неизвестно чем занимался и кем работал. Молодой мужчина с каштановыми волосами, ростом выше среднего, с умным лицом, молчаливый и застенчивый, в костюме странного покроя. Возможно служил в каком-то ведомстве, но почтальон ни разу не видел, как он выходил на службу и как возвращался. Лайелла можно было застать только у входной двери дома. Казалось, что он словно вернулся секунду назад невесть откуда или собирается выходить, чтобы тут же пропасть из виду. Чаще всего его можно было увидеть одетым в совершенно невероятный бордовый пиджак с тонкими голубыми полосами на рукавах, в руке саквояж, а на голове зеленый ирландский котелок. Судя по отсутствию каких-либо излишеств и роскоши было видно, что эта семья небогата, но все-таки могла позволить себе жить в Рэдленде. А в этом районе жили люди отнюдь не бедные. Но где и кем работает Лайелл Люпин оставалось загадкой.

— И работает ли! Может он вообще какой-нибудь проходимец! – говорил сам себе Уильям. - Хотя, надо признать, на авантюриста не похож. Одевает, пускай, странный, но все же не дурной костюм. Вежливый, учтивый, всегда здоровается, если его удается застать у дверей. Ни писем, ни газет он не получает. И в дом к ним птицы залетают… Вроде как совы… Кажется, несколько раз я точно видел, как из окна третьего этажа дома вылетела сова. Странно..., совы ведь не летают днем, да и кому придет в голову держать такую живность в городском доме! Хм, раз даже мне показалось, что птица что-то несла в лапах... Шпионы!!! Нет! Не может быть! А как же миссис Люпин?! Она такая славная женщина. Красивая, добрая, правда немного грустная... Только ей письма и приходят... Отправители с фамилией Хауэлл. Скорее всего это ее родители и они пишут для Хоуп. А их сын Римус. Какое странное имя! Выглядит он явно нездоровым. Да и где тут будет здоровье. Мальчик сидит дома, не ходит в школу, не гуляет и у него совсем нет друзей.

Так думал Уильям Маркофф, возвращаясь вечером домой, когда почтовая сумка опустела. Уже начинало смеркаться, на небе проглядывали редкие звезды, и бледная луна вырисовывалась над крышами далеких домов. Слишком внимательный и любопытный почтальон немного задержался под окнами дома Люпинов. В который раз, останавливаясь возле крыльца этого дома, Уильям почувствовал знакомое покалывание по всему телу. Волоски на коже встали дыбом, словно в этом месте воздух был пропитан электричеством, а дом накрывала прозрачная электрическая завеса. Это чувство покалывания сотен маленьких иголочек ему нравилось и пробуждало далекие детские воспоминания о каникулах у своей бабушки, где каждый раз он испытывал те же ощущения рядом с ее домом. Бабушка Уильяма, восемнадцати лет от роду эмигрировала в Англию после революции в России. С собой она привезла совсем маленького сына – будущего отца Уильяма и поселилась в Дэвоне. Звали ее Мария Маркова. Мария не сменила имя и фамилию, а лишь стала писать ее на английский манер – не склоняя и с двумя «ff» на конце, что придавало ей пикантности. Ее стали называть Мэри Маркофф. Отец Уильяма вырос и перебрался в Бристоль, где женился на коренной англичанке и таким образом фамилия Маркофф перешла к Уильяму. Он помнил, как бабушка забирала его к себе на лето, а зимой на рождество. В памяти остались яркие картинки, где веселые и чудные люди в разноцветных мантиях пили чай из самовара и рассказывали самые безумные истории. Ох, какое это было славное время.

– И где теперь она?! Жива ли! – думал Уильям.

Сначала война, а потом трудное послевоенное время разорвали связь с бабушкой, письма по старому адресу возвращались назад, а потом и вовсе забылась прошлая жизнь. Словно это было не с ним, а с другим человеком, которого Уильям теперь вспоминал как старое забытое кино. Из воспоминаний Уильяма вернула резко опустившаяся темнота. И снова это покалывание.

— Да нет же, показалось! – успокоил себя Уильям. – Просто это мелкий дождь моросит.

Но взглянув на небо увидел, что туч нет, а дождя тем более. Сверху на него уставилась идеально круглая луна, наполненная ярким серебристым светом.

— Бог ты мой! Что-то я сегодня задержался!

Уильям стоял возле дома Люпинов. Из окна в гостиной падала узкая полоса света на тротуар возле ног почтальона. Он сделал шаг, ступил в полосу света и, чуть наклонив корпус вперед, стал вглядываться в окно первого этажа. Там, между двух, подвязанных и украшенных цветами, штор, можно было рассмотреть, что происходит внутри. Ничего особенного. На столе гостиной стоит канделябр с тремя зажженными свечами. Мальчик сидит за столом и аккуратно что-то записывает в тетради шариковой ручкой.

Рядом сидит мать мальчика - Хоуп и что-то диктует из книги.

— Может делают урок! Не поздновато ли!

Уильям придвинулся вперед на два шага. И вдруг почувствовал, как словно прошел сквозь невидимую преграду. Волоски на коже перестали шевелиться и покалывание прекратилось, а воздух вокруг сделался густым, словно вата и движения замедлились. А в окне. О, боже! Совсем другая картина. На столе не тетрадь, а длинный пожелтевший пергамент. В руке у мальчика зажата не ручка, а настоящее птичье перо для письма чернилами. Мальчик сидел за столом, повернув голову в сторону окна, и смотрел прямо в глаза Уильяма. Старый ветеран, прошедший войну, не испугался бы и черта, если бы тот вдруг решил выйти из преисподней и заглянуть на свет Божий, но от этого взгляда страх окутал все тело. Уильям оцепенел и не мог пошевелиться. Ноги ослабели, а плечи дрожали, как от холода. Лицо мальчика было белым словно мел, рот широко открыт. Римус дышал так, будто ему не хватало воздуха, было видно, как вздымается его грудь частыми и сильными толчками. Длинный язык свисал изо рта, с него стекала густая пена, капая на брюки. И глаза… Это были не глаза... Это были, выкатившиеся из орбит, белки. Зрачков не было видно. Страшную картину дополняли необычайно длинные пальцы рук, вцепившиеся в ручки кресла. Все тело Римуса сотрясала крупная дрожь, а голова запрокидывалась назад, рискуя оторваться от своего тела. Мать мальчика Хоуп звала мужа на помощь. Сверху прибежал Лайелл с веревкой, которая каким-то образом сама обернулась вокруг кресла с мальчиком. Уильям услышал звуки похожие на рычание разъяренного зверя. Родители с трудом сдерживали тело Римуса, а он пытался вырваться из веревок, раскачивая кресло.

— Что тут творится?!... – прохрипел Уильям, его сердце было готово выскочить из груди, а слова застревали во рту.

В это время, внутри гостиной, Лайелл Люпин бросил взгляд на окно и с ужасом обнаружил, что за ними наблюдают. Он посмотрел на почтальона и застыл, не зная, что делать, а потом его внимание привлекло что-то за спиной Уильяма. По улице шел человек в сторону дома Люпинов. Это был высокий и худой мужчина с длинной бородой. Его голову украшал головной убор, смахивающий на высокий ночной колпак с кисточкой, а вся его фигура была закутана в изумрудную мантию, что придавало ему вид не просто необычный, а прямо-таки фантастический и чудаковатый. Волосы, бывшие когда-то каштанового цвета, теперь же покрывала частая седина. Аккуратно расчесанная, и так же седеющая борода, говорила о солидном возрасте своего хозяина. Несмотря на это, двигался он уверенно и легко, бесшумно ступая по темной улице. Слегка искривленный нос с горбинкой обрамляли очки в форме полумесяца. Сквозь очки блестели яркие голубые глаза. Человек подходил быстрым шагом и на ходу вытас-

кивал из рукава мантии что-то похожее на дирижерскую палочку длиной около десяти дюймов. Неслышно подойдя сзади к Уильяму на расстояние вытянутой руки, он остановился и направил палочку прямо в голову почтальону.

— Обливиэйт! – произнес человек спокойным, но твердым голосом и тонкий зеленый луч возник на мгновение между концом палочки и затылком Уильяма.

...

Чета Люпинов, Лайелл и Хоуп, поселились в Бристоле, переехав из небольшой деревни в пригороде Кардиффа. У Люпинов были тайны, о которых они никому не рассказывали, не заводили знакомств и старались не общаться с соседями, чтобы избежать расспросов о том почему переехали из тихой сельской местности в большой и шумный город. Ведь мистеру Люпину было что скрывать. И одна из тайн была в том, что он - **волшебник**. Да, да, самый настоящий волшебник. С настоящей волшебной палочкой и настоящими магическими способностями. А работал он в самом настоящем Министерстве Магии, в Отделе контроля магических популяций. Министерство Магии существовало с незапамятных времен, работая над тем, чтобы у магического мира были свои законы, свои деньги, свои предприятия и рабочие места, а не магический мир не знал бы о существовании волшебников. В Министерстве Магии находилось большое количество ведомств, отделов и департаментов. Все они без устали трудились над тем, чтобы два таких разных мира, как мир волшебников и мир обычных людей никогда не встретились. Если такие встречи все же происходили, то обычным людям, которых называли просто «маглами», стирали или изменяли воспоминания. Многие волшебники опасаются, и не напрасно, что подобные встречи могут привести к непредсказуемым последствиям и хаосу. В этом и заключалась работа Магического Министерства, чтобы скрывать информацию о волшебниках и исправлять последствия столкновения двух таких разных миров. Лайелл Люпин - специалист по Явлениям Нечеловеческих Духов. Его основной задачей была работа с бестелесными существами. Это были полтергейсты, боггарты и приведения. Если где-нибудь в Великобритании такое существо начинает шалить, так мистер Люпин выезжал на место, чтобы утихомирить возмутителя спокойствия. В одну из таких поездок больше десяти лет назад, как начался этот рассказ, Лайелл познакомился с Хоуп…

— Мистер Люпин, – обратился к Лайеллу молодой прыщавый посыльный Бад, заглядывая в кабинет Люпина из-за полуоткрытой двери, – вас вызывает шеф, мистер Бэйтс.

Бад скрылся за дверью. Этот молодой человек совсем недавно окончил Школу Чародейства и Волшебства Хогвартс. Кто-то из родственников молодца пристроил его через знакомых проходить стажировку в Министерстве. Бад был молод и глуп и всех это устраивало. Многие в департаменте рассуждали так: «...уж лучше пускай Бад разносит служебные записки и сообщения, чем совиный помет повсюду липнет к ногам».

— Иду! – Сказал Лайелл пустой двери, убрал бумаги в стол и направился в кабинет начальника.

Октавио Бейтс - руководил Отделом Регулирования Магических Популяций и контроля за ними. Это был второй по величине из отделов Министерства после Отдела Магического Правопорядка и находился на четвертом уровне. Бейтс полный и низенький с блестящей лысиной, грубоват в работе с подчиненными, но все же неплохо знающий свою работу. Отчеты по всем незакрытым делам он требовал каждую пятницу, закрывая глаза на качество расследования. И вовсе не из-за разгильдяйства, а потому что дела у Департамента шли не важно. По неясной причине волшебные существа то проявляли излишнюю активность, то вновь затихали и «уходили в подполье». Людей все время не хватало. Не каждый соглашался менять тихий спокойный кабинет на «грязную работу». Приходилось постоянно разгребать последствия столкновения обычных людей и волшебных существ, минимизировать убытки, находить объяснения для обывателей, делать заявления для прессы, стирать память маглам.

Лайелл был с детства скромным и исполнительным, мало говорил и много работал, при этом искусно владел целым набором заклинаний защиты от темных существ. В узком кругу специалистов он стал известен совсем молодым. Мистер Бейтс обратил внимание на талантливого волшебника и предложил ему работу в своем отделе в Комиссии по Обезвреживанию Опасных Существ. Лайелл согласился, посчитав, что такая работа ему по душе. Во-первых, помогает лучше изучить волшебных тварей, а во-вторых борьба с проявлениями темной магии – есть внутреннее кредо всякого светлого волшебника.

Люпин встал в открытых дверях кабинета начальника:

— Вызывали, мистер Бейтс?

— Лайелл, войди... И прикрой, пожалуйста дверь, – коротко сказал мистер Бейтс, в это время распекая молодого сотрудника из Группы Борьбы с Упырями.

— Послушайте меня, Юманс, мне плевать на то, что вы не успеваете закрыть дело об упыре на ферме в Борхэме. Есть случай нападения на человека возле Пэлдона. Поезжайте и выясните, что произошло. Министр лично поручил это дело нам. Слишком много шума, пострадал ребенок.

— Но, сэр! В Пелдоне не наш случай. Мракоборец Скримджер был там поблизости и сообщил, что по всем признакам они спугнули оборотня.

Мракоборцы – это специальная группа элитных волшебников, обладающих выдающимися способностями в борьбе с темными силами. Мракоборческий центр – независимый отдел в Министерстве магии и тесно связан с Отделом Магического Правопорядка.

— А какая мне разница? – возмущался Бейтс, - Упырь или оборотень! И тот и другой кусает людей!

— Да, но и опасность, и последствия, разные. Оборотни гораздо опаснее. Может для них стоит завести отдельную группу специалистов. У нас нет ни учета, ни знаний, а уж о лечении и речи не идет. Нет такого средства от укуса оборотня.

Лайелл терпеливо стоял в углу кабинета и ждал конца разговора.

— Не время сейчас это обсуждать. Будет возможность и будут люди – восстановим старую секцию по учету оборотней. А пока поезжай на место. Ребенка, понятное дело, в больницу Святого Мунго. По остальному разберись на месте. Возьми с собой кого-нибудь из специалистов по удалению воспоминаний. Если репортеры «Ежедневного пророка» доберутся туда раньше тебя...! В общем не дай им повода для большой статьи. Все... Иди!

Юманс развернулся и, быстро кивнув головой Люпину, вышел с мрачным лицом.

— Лайелл, послушай, мне нужно, чтобы ты срочно отправился на юго-западную сторону Хенсол Вудс. Это недалеко от Кардиффа. Рядом с лесом есть ферма. Мы организовали портал. Поднимешься в Портальное управление, Пикок все расскажет. Судя по свидетельствам очевидцев в этом лесу кто-то завелся. Несколько людей видели непонятно что! Описания спутанные. Все рассказывают разные истории.

— Боггарт...?

— Возможно! Еще не определили. Так что пока не ясно. Все бы ничего, ведь это глухое местечко. Но его встречали маглы...! Или почувствовали, или еще что-то. К счастью, пока никто не пострадал. Комитету по выработке объяснений для маглов пришлось вбросить в их газеты историю про ядовитые грибы. Якобы в это время года, споры некоторых видов грибов могут вызывать различные видения. В общем нужен специалист на месте. Там тихо и никто не помешает. Напарника тебе пока нет и будешь работать как всегда один. Узнай, что там творится. Действуй на свое усмотрение. Если найдешь - не вздумай тащить его сюда. Таким тварям здесь не место. Понимаешь, о чем я?!...

— Да, сэр! Отправляюсь немедленно. Можно только один вопрос?

— Лайелл, ты опять о том же! Пока никакого отпуска...

— Я только хотел...

— Я помню Лайелл, помню. Ты видишь какие сейчас непростые времена для Министерства.

Бейтс вдруг ухмыльнулся.

— Вот если надумаешь жениться... То в таком случае есть особый пункт в уставе Министерства в главе о сотрудниках, связавших себя узами брака. – При этих словах Бейтс вздрогнул, словно по его телу пробежала дрожь. В отделе все знали о его странном отношении к браку и его последствиям. И продолжил:

— Тогда тебе будут просто обязаны выделить целых две недели...!

Люпин вышел из кабинета со вздохом. С одной стороны, он очень любил работать один и выезжать на подобные случаи было чрезвычайно интересно. Люпин пощупал палочку под мантией. На месте! Но с другой стороны Лайелл уже три месяца работал без выходных и очень устал. Он чувствовал, что внутри сидит и растет комок из самых разных ощущений. То нахлынувшая радость заставляла порхать над землей, то необъяснимая тоска так сладко сжимала сердце, что весь свет был не мил, но при этом так не хотелось, чтобы тоска ушла. Было ощущение, словно что-то ждало его впереди. Где-то уже недалеко. Лайелл это не просто чувствовал. Он словно знал. Ожидание чудесной встречи придавало сил и не давало опустить руки.

Лайелл спустился на лифте на два уровня ниже.

— Шестой уровень. Отдел магического транспорта, включает в себя Руководящий центр сети Летучего пороха, Сектор Контроля за Метлами, Трансгрессионный Испытательный центр, а также Портальное управление. – любезно сообщил женский голос диктора.

Лукас Пикок уже ждал возле лифта. Мимо сновали сотрудники с отчужденными лицами и стопками бумаг в руках. Лукас был маленький тщедушный человечек, едва доставал Лайеллу до пояса. При его виде Лайелл вспоминал про учебные годы в Хогвартсе и профессора по заклинаниям Филиуса Флитвика. Только у Пикока не было бороды.

— Портал готов, идите за мной Люпин, времени совсем немного осталось – проскрипел старческим голоском Пикок, и повел его вдоль правого коридора в Портальное управление.

Коридор напоминал небольшую, но отсортированную свалку. Вдоль стен стояли деревянные ящики со всяким хламом. В одном старая поношенная обувь, в другом открытые пустые консервные банки, в третьем грязные бутылки и так далее.

— Это все для порталов. – говорил Пикок, заметив удивленный взгляд Люпина в сторону ящиков. – Мы привыкли, необходимый предмет для портала всегда под рукой.

Немного пройдя по коридору остановились возле двери с надписью - «Портальная № 9». Пикок открыл дверь взмахом волшебной палочки, очевидно применив невербальное заклинание, чтобы скрыть пароль от заколдованной двери. Обычное дело в Министерстве. Невербальные заклинания произносятся мысленно, не вслух.

Этот кабинет был совершенно пуст, не считая стола посередине большой круглой комнаты. Стены и потолок изображали небо с облаками. Облака хаотично кружили по голубому импровизированному небу. Из-за облака показалось солнце, Люпин почувствовал тепло от волшебного светила.

— Время года и погода в этой комнате меняются сами по себе. Нам повезло! – пропищал Пикок, – сейчас день, хорошая теплая погода, а вот ночью ничего не видно, если нет Луны, и приходится зажигать факелы. А уж когда гроза или снежная буря… ууу…, то лучше и не заходи сюда.

На одиноком столе стояла жестяная банка с красной надписью Pepsi-Cola. От банки исходило мягкое голубоватое свечение.

— Это...портал...? – спросил Люпин.

— Это популярный напиток у маглов. Мой помощник Тревор притащил еще вчера. Вытащил из мусорной корзины на улице, шутник. Теперь, да! Это ваш портал!

Пикок с минуту постоял молча, глядя на банку. Потом достал карманные часы и взглянул на них:

— Пора! Начинаю обратный отсчет от восьми. Восемь... Семь... Шесть...

Лайелл сделал несколько шагов к столу и протянул руку, не касаясь банки и дожидаясь конца отсчета.

— Три... Два... Один...

В последний момент Лайелл схватил рукой банку и почувствовал, как ноги оторвались от земли, неведомая сила тащила его за собой, мгновенно набирая огромную скорость. Закружились вокруг яркие цветные пятна, весь мир словно вращался спиралью вокруг, но ничего нельзя было разглядеть, тело сдавило, вытягивая в струну. Лайелл летел куда-то вперед, держа в руке банку Pepsi. И вдруг, также внезапно все прекратилось. Сдавливающая сила и скорость исчезли. Он резко остановился и уперся руками в колени, ощущая под ногами землю, улетевшее вперед сознание возвращалось в тело своего хозяина. Ноги дрожали. Голова понемногу прояснялась. Люпин приходил в себя, делая глубокие вдохи. Банка рассыпалась в прах.

— Фу-ф, порталы – это нечто! Ощущения что надо! Все лучше, чем трансгрессия или метла, – поморщился Люпин.

Для полетов на метле можно было использовать только безопасные маршруты с использованием дезилюминационных заклинаний и это отнимало больше времени, а для трансгрессии, как известно, надо побывать хотя бы раз в этом месте, чтобы можно было представить конечную точку маршрута, иначе быть беде. Ощущения после трансгрессии не самые приятные и расстояние, которое можно преодолеть за раз, не такое уж большое. Поэтому портал, самое быстрое и удобное средство для перемещения. Для портала всего лишь требуется какой-либо предмет. Заклинанием "Портус" открывается проход от предмета к заданной точке в заданное время, но правда делать эту процедуру можно лишь с разрешения министерства магии. Это был, пожалуй, единственный минус порталов. Были, конечно, еще летающие животные, но все эти способы имели свои недостатки от скорости до скрытности. Лайелл огляделся вокруг. Он оказался совсем рядом с Хенсол Вудс в намеченной точке. Было начало марта, чудесный весенний день. Недалеко находилось поселение местного фермера. Лес начинался за ближайшим лугом, сплошь усыпанном желтыми цветами. Через весь луг протянулась вдаль сельская дорога. Дальше начиналась таинственная тень. Люпин пошел по дороге в сторону манящего леса, любуясь цветущими нарциссами. В это время весь Уэльс выглядел чудесно без всякой магии. Щебетали птицы, радуясь первым теплым денькам. Солнце после зимней скуки словно решило заняться делом и раскрасило широкие луга в свой любимый желтый цвет. Настроение у молодого волшебника приподнялось и усталость как рукой сняло.

«Какой уж тут боггарт! Тут и дракон не страшен!» – Лайелл вдыхал полной грудью обаяние весеннего дня. Вот и опушка леса. Пустой Ford Prefect стоит у дороги.

— Странно... Автомобиль... В сельской глуши на краю леса!

Нехорошее предчувствие кольнуло в груди. Люпин осторожно достал палочку и оглянулся по сторонам. Никого. И пошел в глубину темных, начинающих зеленеть крон деревьев.

— Ну что же, покажи себя! – прошептал Лайелл и напряг все свои чувства. У него хорошо получалось ощутить присутствие любой магии, находить следы и оценивать опасность. Лайелл был скромен, но никто не посмел бы назвать его трусом. Тяга к изучению волшебных существ возникла под влиянием книг его кумира – Ньюта Саламандера, известного магозоолога, всю свою жизнь положившего на изучение волшебных созданий. Желание узнать, как можно больше всегда было сильнее страха. Даже коллеги с равным отношением как посмеивались над застенчивостью Лайелла, так и восхищались его смелостью. Он уже не сомневался, что очевидцы встречали в лесу именно боггарта. Оружие против этого создания известно. Надо всего лишь коротким взмахом волшебной палочки и заклинанием «Ридикулус» превратить боггарта в нечто смешное, и смехом уничтожить его. Но это не все. Никто не знает, как выгля-

дит боггарт. Возможно у него нет первичного образа. Прячется он в темных местах, обычно в жилищах людей. Возможно в лесу оказался боггарт, который только зародился. И еще не нашел пристанище, но уже дал о себе знать. Вероятно, живет в темном дупле дерева и иногда выходит на охоту, чтобы под питаться чужими страхами.

— Вот тут-то он себя и покажет, и превратится в то, чего человек боится больше всего на свете. Не каждый готов взглянуть в глаза своим страхам и победить их. – говорил сам с собой Люпин, – главное выработать стратегию заранее. Во что бы превратить тебя?

Хрустнула ветка и Лайелл посмотрел себе под ноги. Из-под гнилых черных листьев, толстым слоем лежавших вокруг, проглядывали белые семена грибницы.

— А что! Это мысль! Шампиньон, так шампиньон!

Вдруг совсем рядом Лайелл услышал женский крик:

— Помогите... На помощь...!

— Это еще что такое? – Люпин остановился от неожиданности.

И снова женский крик:

— Помогите! Кто-нибудь, умоляю!

Ну уж такого поворота событий он никак не ожидал. Люпин бросился в сторону голоса с палочкой наготове. Пробежав несколько десятков футов, он увидел молодую девушку, сидевшую на земле возле старой коряги, поджав ноги и закрыв голову руками, словно укрываясь от удара сверху. Рядом стояла смутная тень, напоминающая очертаниями человеческую фигуру, и протягивала длинные руки к девушке. Фигура обернулась на шум бегущего Люпина и на мгновение остановилась в растерянности. Этого мгновения было вполне достаточно. Лайелл взмахнул палочкой, навел на тень и представил, как Октавио Бейтс со своей лысиной сдувается, морщится, и становится шампиньоном:

— Ридикулус!

Боггарт превратился в большой шампиньон. То ли настроение у Лайелла было такое возбужденное этим происшествием, то ли неожиданное появление в этой истории девушки, но Люпину вдруг стало так хорошо и легко, что он от души рассмеялся. Шампиньон-боггарт с громким хлопком исчез.

Лайелл подошел к сидящей девушке, которая чудом держалась в сознании и помог ей подняться. Слезы все еще текли у нее из глаз, а прерывистые всхлипы говорили о том, что она была на краю обморока.

— С вами все в порядке? Это был всего лишь боггарт.

Лайелл видел, что девушка не волшебница, а магл, и сам не понимал, зачем сказал о боггарте. Но похоже она была так напугана, что не обратила внимание на незнакомые слова. И тут девушка залепетала быстро и прерывисто, все еще дрожа от страха:

— Это...этот...человек... Кто это...? Что это было...? Эти ужасные руки...

Девушка замолчала и смотрела на Лайелла глазами полными слез. Он слегка поддерживал ее за руку и не мог отвести взгляд.

«Боже мой, как же она прекрасна!» – подумал Люпин. И действительно, несмотря на слезы, Лайелл заметил, что у девушки яркие голубые глаза. Белокурые волосы обрамляли красивое молодое личико, на котором отражались тревога и страх и Лайелл передумал говорить о боггарте:

— Все в порядке. Вам нечего боятся. Здесь нет никакой опасности. Вы заблудились? Давайте я помогу вам выйти из леса к дороге! Кажется, я видел недалеко машину. Она, наверное, ваша?

— Я... Я так вам благодарна... что спасли меня... если бы не вы... я не представляю, чтобы со мною стало..., – и немного окрепнув, добавила:

— Как хорошо, что вы оказались рядом...

Ее мягкий и нежный голос звучал в ушах Люпина словно музыка. И тут впервые за долгое время он ощутил, как проклятый комок внутри начал таять. Во всем теле появилась легкость и чувство свободы. Лайелл вел девушку, придерживая за руку:

— Меня зовут Лайелл Люпин. Я прогуливался здесь неподалеку, услышал крик и ...в общем я тут, – объяснил Люпин свое присутствие, избегая подробностей.

— Еще раз спасибо вам! Я Хоуп... Хоуп Хауэлл... Я работаю в страховой компании..., – девушка все еще говорила с паузами и испуганно озиралась по сторонам.

— Хозяин фермы решил застраховать имущество... Компания послала меня... Я все уладила и уже стала уезжать... И тут, знаете..., засмотрелась на цветущие нарциссы. Они так чудесны... Вам нравятся нарциссы…?

— Да, очень нравятся, – Люпин участливо смотрел на Хоуп.

Девушка вытерла остатки слез с лица и с виноватым выражением посмотрела на Лайелла:

— Потом я замечталась. Знаете, я на досуге немного пишу... стихи разные... сказки. Иногда так увлекаюсь фантазиями... Вот так и не заметила, как ушла прочь от дороги, и вдруг, вижу, что стою в лесу совсем одна. Потом за деревьями мелькнула тень, – при этих словах ее лицо помрачнело.

— Вы что-то увидели? Что это было?

— Я не уверена. Мне показалось, что это была огромная фигура мужчины в черной одежде. Но знаете...это рычание... и эти руки..., – Хоуп на мгновение запнулась. – Только не подумайте, что я сумасшедшая. Я теперь думаю, что это все мое воображение. Ведь таких людей не бывает.

— Вы не сумасшедшая, вы просто испугались. Тем более не мудрено в таком лесу проявить чудеса воображения.

Девушка с благодарностью посмотрела на Лайелла.

Так разговаривая о необычном приключении, они вместе подошли к машине. Хоуп вздохнула:

— Не знаю, смогу ли я ехать. У меня совсем нет сил.

— Не беда! – неожиданно обрадовался Лайелл, – я вполне мог бы сам сесть за руль и отвезти вас домой.

— Так не ловко пользоваться вашей добротой, вы уже столько для меня сделали.

— Что вы, мне будет очень приятно еще раз оказаться для вас полезным.

— Вы живете где-то поблизости? – Хоуп с интересом взглянула на Лайелла.

— По правде говоря, я не из этих мест... Я тут проездом..., – Люпин не хотел говорить о себе, - а вы откуда?

— Я живу не далеко, у родителей в пригороде Кардиффа. Но еду в сам город, мне надо сдать бумаги и машину. Вам будет удобно ехать в Кардифф?

— Мне надо в Лондон! Но вы не беспокойтесь. – сказал Лайелл увидев расстроенный взгляд девушки. – в Кардиффе я сяду на поезд и через два часа буду на месте.

Люпин очень не хотел расставаться с девушкой, так необычно легко было рядом с ней. Словно всю жизнь ее знал, но не замечал, а теперь открылись глаза, и неведомая сила манила к Хоуп. Хотелось, как будто наверстать упущенное и побыть рядом как можно дольше. Поэтому сейчас он не хотел даже думать о расставании.

— Простите, мисс Хауэлл...

— Хоуп... Называйте меня просто Хоуп..., – девушка улыбнулась и Лайелл понял, что пропал навсегда.

— Я только хотел сказать..., – Люпин покраснел, - что для меня большая честь сопроводить вас до самого Кардиффа.

— И мне будет очень приятно... Да и дорога уже не будет такой скучной.

С этими словами они сели в машину и поехали по дороге к шоссе в сторону Кардиффа.

Еще в дороге Хоуп дала свой адрес и настояла, чтобы Лайелл навестил ее в ближайший свободный день. Люпин с удовольствием согласился и вскоре они стали встречаться. Их нежные чувства друг к другу оказались взаимны и переросли в нечто большее. Через три месяца Лайелл сделал Хоуп предложение и признание в том, что он волшебник. Хоуп так сильно любила своего Лайелла, что согласилась выйти замуж за волшебника и стать миссис Люпин. Правда пришлось показать ей пару трюков, чтобы она поверила, что волшебная палочка настоящая и умеет творить чудеса. Хоуп, обладая творческой натурой, легко приняла новые правила и с радостью окунулась в магическую жизнь изнутри. Она узнала, что произошло в лесу на самом деле, поэтому попросила разместить фигурку боггарта на свадебном торте. Но, так как никто не знал, как он выглядит, то решено было слепить нечто среднее между шампиньоном и мистером Бейтсом. Естественно, самому Бейтсу этого не сказали. Лайелл наконец-то получил свой долгожданный отпуск, которым воспользовался сполна. Скоро у молодой пары родился мальчик, которого назвали Римус Джон Люпин. Лайелл и Хоуп были счастливы. Мальчик рос здоровым и веселым, радовал своих родителей и бабушку с дедушкой - родителей Хоуп, которые иногда их навещали. Правда мистера и миссис Хауэлл было решено не посвящать в тайну волшебного мира, ни к чему им такие потрясения. Когда Римусу шел пятый год, произошли события, которые перевернули всю его жизнь, а также жизнь его родителей. И положили начало этой истории. Истории о дружбе, верности и предательстве, об ошибках и зависти, любви и ненависти.

Глава II
Оборотень.

В один из вечеров в пятницу, в кабинете руководителя Отдела Магических Популяций собрались его сотрудники и приглашенные мракоборцы. Мистер Бейтс хотел обсудить привлечение своих людей к делу о нападениях на маглов, которые, к слову сказать, стали происходить слишком часто за последнее время. Нападали на маглов, на волшебников и, самое страшное, нападали на детей. На служебных стульях в два ряда сидели трое мракоборцев и работники отдела Лайелл Люпин, Гектор Юманс, Теодор Кокрил и Мартин Ван Дейк. Перед ними расхаживал хозяин кабинета Октавио Бейтс, заложив руки за спину. Лицо его было мрачнее тучи. Было видно, что он пытается подобрать слова и произнести такую речь, от которой даже у Гиппогрифа встанут дыбом перья. Но видимо мистер Бейтс признал, что он не великий оратор и такие слова как «наш долг», «ответственность» и «патриотизм» были исключены из списка используемых в речи шефа. Было решено не мудрствовать и говорить простыми словами:

— Итак. Я должен вам сообщить некоторые неприятные вещи. – обратился Бейтс к присутствующим, – Министр лично попросил меня поговорить с вами и ввести в курс дела. На протяжении последних лет мы наблюдаем беспричинные нападения на маглов и на волшебников, а хуже всего, что в нашем деле в основном пострадавшие – это дети. Поначалу мы не связывали эти нападения друг с другом и пытались расследовать каждый случай отдельно. Это не дало результатов. Скажу сразу, я очень недоволен таким положением вещей. Я разочарован, господа. Этим вопросом было поручено заниматься Гектору Юмансу, - все повернули головы в сторону Юманса, тот беспомощно пожал плечами, - мы не сильно продвинулись в поисках виновных в преступлениях, но... кое-что... отдельно по нашему департаменту, все-таки есть. Юманс прошу вас, расскажите о проделанной работе.

Гектор Юманс работал в отделе примерно столько же, сколько и Лайелл Люпин, звезд с неба не хватал, но старался как мог. Юманс считался специалистом по вампирам и упырям, выглядел как вечный студент – худой, невысокий, в очках. Лишь поношенный строгий костюм, и ранняя седина в черных волосах выдавали в нем уже не юношу, но скорее мужчину, окруженного всеми возможными проблемами взрослой жизни. Юманс встал со стула, подошел к

столу Бейтса, секунду постоял в задумчивости. В руках он держал папку с бумагами и прижимал к губам, словно решал с чего начать. Потом стал неторопливо говорить:

— Несколько лет назад в Пелдоне было совершено нападение на ребенка маглов. Ребенок был укушен неизвестным существом. Сначала решили, что это вампиры. Но, увидев результат и последствия, мы предположили, что существо, скорее всего, не вампир, а оборотень.

Лайелл вспомнил, как почти шесть лет назад Бейтс выговаривал Юмансу, а сам он тогда отправился на встречу с боггартом и встретил Хоуп.

— Ребенок остался жив, был изъят из семьи и помещен в больницу святого Мунго для обеспечения безопасности семьи ребенка и окружающих. Далее я объясню почему. В семье ребенка и в семьях соседей проведены мероприятия по замене воспоминаний. С тех пор произошло более двадцати похожих случаев.

Все стали переглядываться и шептаться:

— Больше двадцати нападений…? Да это уму не постижимо…!

Бейтс зашипел:

— Тс-с-с!

Юманс продолжил:

— Не во всех случаях пострадавшие это дети, есть и взрослые, но таких случаев всего три. В некоторых случаях обнаруженные жертвы, к сожалению, не выживали. Признаки укусов и следы от когтей во всех случаях схожи, и мы предположили, что это один и тот же оборотень. Было решено объединить все преступления в одно дело. Далее решили раскопать исторические архивы и обнаружили в библиотеке Министерства манускрипт 1637 года – это был некий кодекс поведения оборотней, который, как нам стало известно, никто не подписал. Оборотни не захотели себя раскрывать. В конце прошлого века профессор Форфанг пояснил некоторые особенности поведения оборотней и последствия от их укусов. Наш уважаемый магозоолог Ньютон Саламандер попытался вести реестр и регистрировать оборотней, но неудачно. Опять же никто не захотел признавать себя оборотнем. Поэтому у нас очень мало данных об этих существах. До конца не ясно к какому типу они относятся, к людям или к зверям. По слухам, они стараются жить среди себе подобных. Правда нам до сих пор неизвестно сколько их находится на территории Англии и вообще были ли они среди нас все это время. Так как до укуса ребенка в Пелдоне подобные происшествия не наблюдались за последние двадцать лет, было решено считать этот случай первым. Вероятно, что оборотень... не англичанин и прибыл из другой страны. Я подавал запросы в Министерства магии разных стран о подобных случаях. И в Скандинавском Министерстве ответили, что как раз шесть лет назад были похожие нападения. Их мракоборческий центр преследовал оборотня, который совершил несколько преступлений. Есть имя – Фенрир и прозвище Сивый. Правда там утверждают, что оборотень убит, но тело так и не найдено. Якобы от заклинания оборотень сорвался со скалы и упал в море. С тех пор нападения прекратились. Мы полагаем, что, возможно, оборотень Фенрир остался жив и ему удалось скрыться на корабле, идущем в Англию. По крайней мере, по времени сходится. К сожалению его описание очень скудное, так как он еще ни разу не попадался. Известно лишь о высоком росте и большой физической силе. По записям профессора Форфанга известно, что укус или рана от когтей оборотня заразны, выжившие после нападения могут перенять его особенности или даже сами стать таковыми. Выживают только волшебники. Маглы погибают. Мы знаем то, что зараженные выглядят как обычные люди, но в полнолуние с ним может происходить трансформация и они могут превратиться частично или полностью в зверя, схожего с огромным волком, которого не в состоянии контролировать. Могут убить даже своих родных. Лекарства от укуса оборотня нет.

Лайелл слушал доклад Юманса и содрогался от одной только мысли, что где-то разгуливает кровожадный хищник, безумец, который предпочитает нападать на детей. Он представил лицо своего родного мальчика Римуса. Страх и тревога засели в сердце Лайелла, и он спросил:

— Гектор, сколько всего пострадавших? И... Что стало с выжившими?

— За пять лет зафиксировано двадцать четыре случая. Это только те, что были замечены, возможно их гораздо больше. Погибших пятеро. Так же пятерых детей мы нашли живыми, но с укусами. Остальные дети пропали. Их судьба нам не известна.

Все, кроме мракоборцев и Бейтса, зашумели:

— Всего пятеро выжили, остальные пропали и до сих пор ничего нет. Да вы с ума сошли?!

Юманс закашлялся и продолжал:

— Все выжившие дети – это мальчики. Дети волшебников. Все находятся под наблюдением в больнице святого Мунго. Пока никто из них не подвергся значительным внешним изменениям. Нам не ясно на кого и как действует трансформация тела, но мы отмечаем любые отклонения от нормы и исследуем их. Например, эти дети стали проявлять интерес к сырому мясу, у всех плохое самочувствие и обострение обоняния при наступлении полнолуния.

— Вы держите их взаперти?

— Да... нам необходимо проверить и изучить их изменения, – смутился Юманс.

Люпин возмущенно спросил:

— Отгородили от остального мира и проводите над ними опыты...? Это же дети!

Юманс покраснел.

— Нет, нет, Лайелл. Не то, чтобы опыты. Нам надо выяснить насколько эти дети могут быть опасны для окружающих. Мы хотели быть уверены, что им можно находиться среди людей.

Мракоборцы сосредоточенно молчали, остальные сидящие в комнате стали опять переглядываться и возмущаться:

— А как же их родные...?

— Вот именно... Им то вы что сказали?

— Почему об этом только сейчас стало известно?!

— Тише, господа, тише..., – унимал всех рассерженный Бейтс, – вы в моем кабинете, держите себя в руках. Дослушайте доклад до конца. Юманс, продолжайте.

Юманс некоторое время молчал, пытаясь подобрать нужные слова:

— Альбус Дамблдор, – при этом имени все затихли, – недавно избранный новым директором Хогвартса, и являющийся верховным чародеем Визенгамота, на последнем заседании рекомендовал отпустить всех детей в их семьи, не придавая огласке и изучать изменения со стороны и при участии родных. Не могу сказать насколько это разумно, но нам придется подчиниться. Мы выделили в нашем департаменте новую нишу – Секцию Учета Оборотней. Решено возродить ранее начатый реестр. И вносить туда всех, кто как-то связан с оборотнями, а также пострадавших от нападений. Все равно как-то необходимо их контролировать! И понять, как обезопасить людей от нападений.

Бейтс выступил вперед:

— Все будут заниматься своими прямыми обязательствами. Учет оборотней будем вести параллельно, по совместительству. Сами знаете, у нас не хватает людей. В вашем рабочем кабинете поставим картотеку.

Люпин вопросительно посмотрел на своего начальника.

— Да, Лайелл, картотеку, в которой будет вестись учет. Если поймают оборотня или вдруг он сам захочет заявить о своей... болезни, то любой, кто имеет доступ к картотеке, будет вносить туда необходимые данные. На сегодняшний день поручаю вести учет вам четверым, и Бейтс указал в сторону своих сотрудников. Мистер Саламандер сейчас находится за границей, но готов нам помогать с любыми трудностями. Что касается пострадавших от нападений, их придется тоже учитывать. Теперь о нашем неуловим оборотне. Все данные переданы в мракоборческий центр и поимкой оборотня займутся выделенные специалисты, - Бейтс указал на троих мракоборцев, - Он уже изрядно потрепал всем нервы и пора призвать его или их к ответу.

Мракоборцам разрешено задерживать любых подозрительных личностей и проводить допрос, а ваша задача разобраться насколько личность близка к нашему делу и далее по стандартной процедуре. Надеюсь, всем понятно?!

Ван Дейк поднял руку:

— Мистер Бейтс, а если оборотень действует не один. Вы не думали, что у него есть сообщники?

Бейтс сморщился, как будто съел лимон:

— Мартин, даже если и так! Мы должны его поймать. Сосредоточьтесь на его поимке. Остальное отложим до лучших времен.

Мартин Ван Дейк раньше работал в банке Гринготс. У него остались прекрасные связи, поэтому он считался лучшим специалистом по работе с гоблинами и домовыми эльфами. Голову Мартина украшала шикарная рыжая кудрявая шевелюра и длинные бакенбарды.

Люпин поддержал коллегу:

— Мартин прав, Мистер Бейтс, вам не кажется, что нападения происходят не просто так? Может за этим стоят некие силы, которые не хотят огласки и действуют со стороны?

Бейтс зашипел:

— Послушайте..., вы оба. Нет никакого тайного заговора. Я не потерплю паники у себя в отделе! Это просто свихнувшийся от безнаказанности оборотень. Мы должны выполнить свою работу. Давайте оставим эти свои домыслы при себе. Я все сказал! Все свободны!

Все стали выходить из кабинета, попутно разговаривая между собой и обсуждая новые инструкции шефа. Люпин с задумчивым видом вышел в коридор, Ван Дейк и Кокрил догнали его.

— Лайелл, ну как тебе новости? – спросил Ван Дейк, – Черт бы побрал Бейтса! У нас что своих забот мало? Теперь еще и оборотней ловить?!

— Придется всех теперь проверять как они относятся к сырому мясу..., – пошутил Кокрил, но тут же остановился, поймав недовольный взгляд Люпина.

Теодор Кокрил – симпатичный молодой человек, увлеченный и легкомысленный, изучал кентавров и русалок. В отделе его любили за легкий нрав и честолюбивую мечту стать министром. Все отечески называли его Тео. Он очень гордился своей должностью в отделе и в шутку предлагал другим сотрудникам предсказать их судьбу по звездам, как только их станет видно из министерского подземелья.

— У меня нехорошее предчувствие, что это только лишь начало, – проговорил Люпин.

— Да, верно! – поддержал его Ван Дейк, – работы будет столько, что мы сами завоем по волчьи.

— Ау у у! – завыл Кокрил, пародируя вой волка и рассмеялся вместе с Ван Дейком.

— Ладно тебе, Лайелл, пошли с нами. Наш рабочий день окончен, мы собираемся зайти в паб, отметить открытие новой секции в отделе.

— Нет, спасибо. Мне надо домой.

— Как хочешь! – и двое коллег Люпина направились к главному лифту, сопровождая свой путь волчьими завываниями. Люпин в задумчивости стоял и смотрел им вслед.

...

Почти весь вечер Лайелл провел в дурном настроении. Придя домой никак не мог забыть о докладе Юманса. Чем бы он не пытался себя занять, так или иначе мысли снова и снова возвращались к этим несчастным детям и необъяснимым нападениям:

— Не может быть, что нападения происходят просто так. Просто потому что у оборотня такая природа поведения? Нет, здесь что-то другое, – рассуждал Лайелл, сидя перед камином в своем кабинете.

— Нападавший явно не боится поимки, слишком часто совершает преступления. Он словно чувствует свою безнаказанность... словно играет с нами... словно у него есть... влиятельный покровитель.

В голове засела неприятная мысль:

— А что, если... Оборотень за пять лет ни разу не был уличен. Ему всегда удается выйти сухим из воды. Никто не знает, как он выглядит. По его следу из убийств и ранений все пять лет идут мракоборцы, но так и не смогли выяснить какие-либо подробности! Неужели все-таки кто-то в министерстве помогает ему. Нет, нет, не может быть!

Тихонько подошла Хоуп. Обняла Лайелла и поцеловала в лоб:

— Дорогой, пойдем ужинать, иначе придется есть холодным.

Подбежал маленький Римус, которому уже исполнилось пять лет:

— Папа, смотли, что я налисовал! – и протянул отцу белый лист с детскими каракулями.

— Ух, ты! Что это?

— Это боггалт!

Лайелл и Хоуп рассмеялись.

— Теперь мы точно знаем, как выглядит боггарт!

Так за ужином с женой и сыном Лайелл успокоился. Дурные мысли понемногу ушли, и история с оборотнем перестала тревожить. То, что рассказывал Юманс теперь казалось просто страшным сном и Лайелл погрузился в объятия дорогих ему людей. Все-таки лучшее лекарство для человека – это любовь его родных и близких. Выходные прошли гораздо лучше, чем вся рабочая неделя. В субботу был Хэллоуин. В праздничный день по традиции Лайелл вместе с Римусом вырезали из тыквы Джека и выставили на подоконник, вставив внутрь тыквенной головы свечи. Надо полагать, что это именно волшебники привнесли данную традицию в мир маглов.

В то время Люпин жил со своей женой и сыном в Бонвилстоне, недалеко от Кардиффа и от родителей Хоуп. Это была чудесная деревушка в Южном Уэльсе в долине Гламорган. Старинные каменные домики с черепичными крышами, поросшие мхом и лишайником. Маленькие окошечки и низенькие двери навевали фантазии о средневековой истории Англии. Почти все жители были маглами, но верили в существование колдунов и ведьм. Ходили друг к другу в гости и длинными вечерами под светом сальных свечей рассказывали страшные сказки о невиданных существах и о казни очередной пойманной ведьмы. Возможно не все в этих сказках было выдумкой. Люпинам нравилось жить в деревне среди маглов. Соседи были добры и отзывчивы, а главное - ненавязчивы, что вполне устраивало волшебника и его семью.

В понедельник Лайелл явился на работу свежим и отдохнувшим. И уже выйдя из министерского камина в атриуме увидел суету в главном холле. Трое мракоборцев вели мужчину со связанными руками к одному из лифтов. Они выставили всех из кабины, вошли вместе с арестованным и поднялись на наверх. Люпин только расслышал что-то о безопасности и отметил про себя, что арестованный мужчина был высок ростом и когда заходил в лифт, то нагнул голову, чтобы протиснуться. Волосы на голове этого мужчины имели необычный светло-серый цвет, а одежда напоминала лохмотья бродяги.

— Кого-то поймали? Кто бы это мог быть...? Любопытно..., – поспешил к лифтам Люпин и услышал, как, собравшиеся на шум, сотрудники министерства обсуждают увиденное.

— Черт знает, что! Притащить сюда грязного бродягу-магла!

— Куда катится министерство!

— Туда и катится! Вы посмотрите на наших министров! Один краше другого!

— Это точно. Сначала Тафт выполз на известности своей матери Вильгельмины, но лучше бы розы разводил, а то удумал, Мерлинова борода, разводить дементоров!

— Вот и поплатился своим постом!

— Да уж и нынешний министр Нобби Лич популярностью не блещет. Полукровка!

Сказавший последнюю реплику увидел Люпина и замолк. Всем, кто знал Лайелла было известно, как он, тихий и мирный по природе, приходит в негодование, когда начинают говорить о превосходстве чистой крови. Один из волшебников, стоявших в толпе, подскочил к Люпину и развернул его к лифту:

— Лайелл, пойдем. Не слушай этих идиотов! Мне самому не верится, что я работаю в такой компании.

Говоривший с Люпином был Септимус Уизли, рыжеволосый мужчина зрелого возраста. Он работал в отделе магического правопорядка. Септимус был известен своим простодушием, доходящим до абсурда. Имея от природы добрый характер, хотел иметь дружеские отношения со всеми и искренне удивлялся как некоторые волшебники враждуют друг с другом. Они вместе с Люпином вошли в свободный лифт и стали подниматься.

— Септимус, ты слышал, что они говорят. Что они вообще делают в министерстве? Как такие люди могут работать в управлении!

— Лайелл, дружище! Я прекрасно тебя понимаю. В моей семье тоже все чистокровные волшебники, но мне совсем не нравится эта ожившая мода на чистую кровь. И эти разговоры в отдельных кругах о превосходстве волшебников над маглами. Мне кажется – это бред. Посмотри на маглов, они такие изобретательные. Не имея волшебных сил, они творят настоящие чудеса. – И Септимус зашептал Люпину на ухо, – Иногда я восхищаюсь маглами и их находчивостью.

Люпин раздраженно сказал:

— Все эти шепчущиеся за спиной у нашего министра, все эти клубы любителей чистокровных, все это не к добру. Не нравится мне это. Словно кто-то специально хочет нас рассорить и разделить.

— Вот поэтому, Лайелл, нам надо сохранять спокойствие и не ссориться.

— Но как же нам быть, Септимус, когда некоторые из таких вот «чистокровных» открыто заявляют о своей ненависти к маглам и полукровкам. Это ведь они порождают ненависть. Они закладывают семена войны в общую землю, которую мы все вместе возделываем.

— Ну так уж и войны! Будет тебе, Лайелл. Они молодые еще, глупые. Порой самые дурные идеи им кажутся достойными восхищения. Так было всегда, друг мой!

Люпин вышел на четвертом уровне, а Септимус остался в лифте – его отдел был двумя этажами выше.

— Кстати, этого магла повели в твой отдел, так что поспеши!

Люпин, раздраженный утренним происшествием, быстро зашагал к рабочему кабинету. Дверь была открыта настежь. Внутри кабинета стояли Юманс и Кокрил с палочками в руках. Ван Дейк сидел, развалившись в кресле. Возле двери стояли те самые мракоборцы со скрещенными руками на груди. Посреди комнаты стоял стул и на нем сидел со связанными руками арестованный. Было видно, что несмотря на свой рост и крепкое телосложение этот человек напуган. Его взгляд перебегал от одного к другому:

— Кто вы такие? Что вам нужно от меня? Я ничего не сделал! Зачем эти палки в руках?

Люпин вошел в кабинет и ему сразу бросился в нос запах давно немытого тела и чего-то еще знакомого, но Люпин никак не мог понять, чего именно.

— Что здесь происходит? Зачем притащили этого бродягу в министерство? Если я не ошибаюсь, это... магл?!

Ван Дейк встал с кресла и отошел к окну. По его лицу было заметно, что выходные для него прошли бурно.

— Кое-что произошло этой ночью, Лайелл... Нам надо его допросить, если ты не против!

Один из мракоборцев выступил вперед:

— Мистер Люпин, ваш шеф, мистер Бейтс поручил нам заняться поимкой преступника и арестовывать любого, кто будет заподозрен в нападениях. Сегодня ночью было совершено очередное нападение на маглов, погибло двое детей. Этот человек был задержан недалеко от места нападения. Когда мы хотели заговорить с ним он попытался бежать, пришлось одолеть его с помощью заклинаний и связать. Нам он показался подозрительным и потому он здесь.

— Что? Погибли?!... – Люпин вцепился руками в край своего стола и почувствовал, как рубашка намокла от пота. Уже забытый страх вновь проснулся и схватил Лайелла за горло. Его трясло. Страх и злость одновременно накрыли его разум, сквозь зубы он произнес, — если надо, значит надо, давайте спросим у этого человека кто он такой.

Юманс убрал палочку и сел на стул напротив бродяги, Кокрил по-прежнему стоял с палочкой, направив ее в сторону арестованного. Юманс стал спрашивать:

— Как ваше имя?

— Фелан... Фелан Янг.

— Фелан, ты знаешь кто мы такие?

— Нет, не знаю... К чему эти вопросы? – проговорил Фелан и вновь стал испуганно озираться.

— Знаешь, что это такое? – спросил Юманс, указывая на палочку Кокрила.

— Какая-то палка. Вы, вы собираетесь меня бить? – стал заикаться Фелан.

— Послушай, никто не собирается тебя бить или пытать. Мы лишь хотим узнать, что ты делал рядом с местом преступления?

— Преступления? Какого преступления?

В голосе Фелана слышались нотки иностранного акцента, по крайней мере так казалось Люпину, но, возможно, это всего лишь манера речи.

— У вас на одежде свежие следы крови. Откуда они?

— Это мой нос... Иногда у меня идет кровь из носа... Я вытер ее рукавом.

— Так что вы делали на месте преступления?

— Послушайте, – в голосе Фелана послышались слезы и страх, – я не понимаю, о чем вы меня спрашиваете, я не понимаю, что я здесь делаю. У меня дома остались трое маленьких детей! Я прошу вас – отпустите меня! Мне кажется произошла страшная ошибка и вы с кем-то меня спутали.

Так продолжалось около часа. Юманс задавал одни и те же вопросы. Бродяга Фелан плакал и просил отпустить его. Все уже изрядно устали.

— Что думаете, коллеги? – спросил наконец Юманс.

Все прекрасно понимали, что у них нет опыта допросов, тем более маглов. Закон запрещал применять к маглам какие-либо средства. Да и волшебство применялось только при необходимости. Ван Дейк, стоявший у окна, сказал:

— Стереть ему память и дело с концом. Я не верю, что это наш преступник. Зачем вообще его сюда притащили? Вы посмотрите на него, какой-то оборванец, который оказался не в том месте и не в то время. – Ван Дейку явно хотелось по скорее закончить этот допрос и подробности его не интересовали.

— Я согласен! Палочки у него нет, а значит нам он не угроза. – сказал Кокрил.

Юманс опять посмотрел на Фелана:

— Вы знаете что произошло в доме, недалеко от которого вас поймали?

— Нет.

— Тогда почему вы пытались убежать?

— Я испугался. Эти ребята... – Фелан посмотрел в сторону мракоборцев, - стали стрелять из своих палок, и я побежал.

— Послушай, умник, – мракоборцы явно растерялись, – стрелять мы стали уже после того как ты побежал.

— Это не правда. Я бы не побежал просто так, – Фелан сжался и опустил голову.

— Кажется мне все ясно, – Юманс неодобрительно посмотрел в сторону мракоборцев, – прошу вас выйдите из кабинета.

Мракоборцы выходя из кабинета стали выговаривать Юмансу:

— Вы что, поверили ему? В том доме лежат тела двоих растерзанных детей, там лужи крови...

«Точно, крови!» – Люпин принюхался и его затошнило. От Фелана пахло кровью и… сырым мясом.

— Послушай, Гектор! Не спеши с выводами, – вмешался Люпин, обращаясь к Юмансу, – если мы не можем понять тот ли это человек или не тот, можно попробовать по-другому.

— Как?

— Очень просто! Оставим его под арестом до ближайшего полнолуния, и сразу все выясним.

Фелан зарыдал:

— Вы не понимаете! У меня дети дома одни, моя жена умерла и некому за ними приглядывать. Я не могу здесь оставаться, мои дети умрут от голода.

Ван Дейк, пытаясь перевести все в шутку, сказал Люпину:

— Лайелл, лучше бы ты занимался валийскими боггартами, у тебя это хорошо получается!

Кокрил заулыбался. Ван Дейк продолжал:

— Ну как и где мы его будем держать? Он магл и в Азкабан его нельзя отправлять, и здесь его оставить невозможно. Пусть Кокрил отведет его наверх и отпустит на все четыре стороны, стерев воспоминания. У нас своих забот полон рот.

Люпин вскипел:

— Черт бы тебя побрал, Ван Дейк! У тебя нет своих детей! Ты не представляешь каково это жить в страхе. Боясь, что твой ребенок может стать следующей жертвой. Я уже достаточно насмотрелся и наслушался, и понял кто такие оборотни. Это бездушные и злобные существа, и они не заслуживают ничего кроме смерти. Если мы выпустим этого человека на свободу, не убедившись в его невиновности, гибель этих детей навсегда останется на нашей совести.

Теперь уже Юманс выступил на стороне Ван Дейка:

— Послушайте, Люпин! – сказал он официальным тоном, – понимаю ваши опасения, но у нас нет веских оснований держать этого человека под стражей, у нас нет ни прав, ни времени, ни людей. Мы отпускаем его. Тео, отведи его наверх и сделай как сказал Ван Дейк.

Люпин не унимался:

— Я не прошу его арестовывать. Давайте просто подождем и задержим его здесь на некоторое время. До ближайшего полнолуния всего один день. Мне кажется он именно тот, кто нам нужен. Я слышу акцент в его произношении, от него пахнет кровью, а волосы на голове под цвет волчьим, а имя – Фелан Янг, можно же все проверить!

— Нет, Лайелл, извини, но, если Бейтс узнает, что мы допрашивали здесь магла и ничего не выяснили – он нас по головке не погладит. Ты знаешь, как много у нас своей работы и возиться с маглом нам не позволят. Тео, уводи его!

И Кокрил взмахом палочки освободил от веревок Фелана. На удивление, тот уже был спокоен и уходя посмотрел на Люпина. Взгляд был тяжел и серьезен, но никто этого не заметил, все были заняты спором.

— Пошли, пошли, – подтолкнул бродягу в спину Кокрил, который ростом едва доставал Фелану до плеча, и они вдвоем пошли к лифту. Лайелл продолжал спорить с Юмансом в кабинете.

Теодор Кокрил вывел Фелана наверх, и они оказались на улице Уайтхолл. Продолжая вести своего арестанта, Кокрил высматривал удобную подворотню, чтобы наложить заклятие забвения. Неожиданно Фелан развернулся к Кокрилу лицом:

— Прощайте, мистер волшебник!

Тут же к Кокрилу откуда-то сзади подошли два человека. Один из них держал в руке короткую дубинку и резким взмахом ударил Тео по голове. Кокрил обмяк, нападавшие подхватили его под руки и оттащили за ближайший угол. Фелан встал над Кокрилом, который был еще в сознании и сказал:

— Как же я ненавижу вас с вашими палочками. Вы считаете себя выше других. Думаете, что вы хозяева жизни. Уверены, что вам все позволено. Но это не так. Грядут времена, когда оборотни будут освобождены от рабства волшебников. Вы все еще узнаете мое настоящее имя. Меня зовут Фенрир. Вы будете просить о пощаде, но не услышите ответа. Я заберу ваших детей, и они станут моими. Вы будете умолять их вернуть, но я открою им глаза, и никто не захочет вернуться. Я истреблю все ваше гнилое племя. Передайте вашему другу Люпину, что я не забуду обиду и оскорбление, которое он мне нанес. Он считает нас бездушными тварями! Что же, пусть так и будет. Если наша душа погублена, то ваши души я проклинаю, им никогда не видать покоя, я заберу их вместе с вашим потомством.

С этими словами Сивый с силой наступил на ладонь волшебника, в которой он сжимал палочку. Палочка с хрустом сломалась пополам, рассыпав вокруг, золотистые искры. Сивый и его друзья ушли, оставив Кокрила лежать с разбитой головой.

Глава III

Римус Люпин.

Происшествие со сбежавшим маглом и раненым сотрудником наделало немало шума в министерстве. Кокрил остался жив, но был в тяжелом состоянии, и находился в больнице святого Мунго. Его палочка была сломана и нашлась рядом с хозяином, обломки показали, что Кокрил даже не успел ей воспользоваться. Оказалось, что нападавшие ударили его дубинкой из корня болотистого Корнежега. Это небольшое деревце обладает очень крепким корнем, способным разбить даже камень и насыщенно необыкновенным ядом. Если яд попадет человеку в кровь, тот впадает в оцепенение на долгое время и похож на умершего, пока ему не введут противоядие. В старые времена людей, отравленных этим ядом, хоронили живыми, по ошибке приняв за умерших. Вот и Теодор Кокрил был больше похож на мертвого, чем на живого. Но целители святого Мунго вовремя распознали симптомы и готовили зелье противоядия. Зелье чрезвычайно редкое и сложное, варилось на протяжении месяца от одного полнолуния до следующего. А пока целители опекали Кокрила в больнице, в министерстве никто не знал подробностей произошедшего на поверхности на улице Уайтхолл, но все департаменты шумели, словно разворошенный улей. Бейтс был вне себя от бешенства. Его сотрудники, не уведомили о пойманном подозреваемом, допрашивали магла в его департаменте, а затем и вовсе упустили, не стерев память и подвергли коллегу смертельной опасности. Масса нарушений! Естественно их не могли не заметить. Слух об этом дошел и до министра магии Нобби Лича. Министр имел полное право отправить виновных в Азкабан на пару месяцев в наказание, но он хорошо относился к Люпину. Зная, что злые языки говорят у него за спиной о происхождении, Нобби Лич нуждался в поддержке таких как Люпин, и своим влиянием добился не слишком строгих мер к провинившимся. Наказанием стал строгий выговор. Но, ввиду шума вокруг последних событий, от служебного расследования министр не смог отказаться. Мракоборцы перерыли все окрестности Лондона, но пропавшего магла не нашли. Бейтс использовал

все свои знания нелитературных слов английского языка на Люпине, Ван Дейке и Юмансе, высказал все накипевшее, разнес в пух и прах «первокурсников с палочками». На время следствия он отправил всех троих под домашний арест.

Лайелл Люпин уже четыре недели сидел дома без дела. Читал «Ежедневный пророк», играл с Римусом и довольствовался новостями из камина. Вот и сейчас Лайелл сидел у камина и слушал голову Ван Дейка, которая торчала из огня. Это был обычный способ связи волшебников через камин, надо было только подключиться к общей Сети с разрешения министерства. Естественно такое средство общения и передвижения было в каждом доме магических семей. На время следствия Люпину и его коллегам не запрещалось общаться, но передвигаться было категорически запрещено. Все камины находились под строгим наблюдением Центра Сети Летучего Пороха в Департаменте Магического Транспорта.

— Сегодня полнолуние, Лайелл! Зелье для Кокрила будет готово к полуночи. – говорил Ван Дейк, – Мой кузен Маркус работает целителем в больнице святого Мунго в отделе отравления от растений и зелий. Он говорит, что все готово и осталась последняя фаза в приготовлении противоядия. Такое снадобье готовят впервые, на его памяти не было ни одного отравления Корнежегом. Это очень редкое растение и в Англии его трудно встретить. Он говорит, что нападавший, скорее всего, иностранец... Возможно из Скандинавии, там Корнежег можно найти на ядовитых болотах. Вопрос в том, как он умудрился провезти через границу магический артефакт.

Люпин закрыл глаза и задумался:

— А что Юманс говорит?

— Он сидит дома и ни с кем не разговаривает. Кажется, он винит в произошедшем всех вокруг. Ты же знаешь, что у него трудности с деньгами, а этот домашний арест без содержания совсем выбил его из колеи. Жалование у него не большое и сбережений, я думаю, у него нет.

— Надо бы связаться с ним завтра, может ему нужна наша помощь?

Ван Дейк замолчал и виновато посмотрел на Люпина.

— Лайелл, прости меня. Прости, что не поверил и настоял, чтобы магла отпустили. Похоже наши подозрения о происхождении оборотня Фенрира сходятся с образом этого магла. Черт..., Лайелл если это был он... Никогда себе этого не прощу.

— Мы все виноваты, Мартин! Нельзя было оставлять Кокрила одного. Он молод и неопытен, а мы пока спорили, совсем забыли об опасности и отпустили его одного наверх. Надеюсь, этой ночью Тео расскажет, что произошло.

— И я надеюсь. А что если вдруг этот яд повлиял на разум Тео, и он ничего не вспомнит?!

— Будем надеяться на лучшее. Мартин, держи меня в курсе. Я сегодня вряд ли усну, так что если будут новости из больницы, то сразу же сообщи.

— Конечно, Лайелл. Маркус открыл камин в своем кабинете, так что буду к нему заглядывать каждый час. Что ж.., я пойду... До встречи!

— Спасибо, Мартин.

Ван Дейк исчез из камина. Лайелл сидел в кресле, закрыв лицо руками.

— Это я виноват... Я виноват, – упрекал себя Люпин, – и Тео, и Юманс пострадали по моей вине. Надо было настоять на своем, а я проявил слабость...

— Дорогой, – позвала мужа Хоуп, вырвав из раздумий, – Римусу пора спать, ты уложишь его?

— Конечно, милая!

Лайелл позвал Римуса, который играл в соседней комнате, и они вместе пошли наверх в детскую спальню. Римус сидел на руках у отца, положив голову на плечо:

— Папа...

— Ммм...?

— Ты мне почитаешь сказку?

— Конечно! Какую ты хочешь?

— Про светлячка...

— Ну что ж, про светлячка, так по светлячка

Лайелл положил Римуса в кровать и тот стал устраиваться поудобней. Скрутил одеяло, повернулся на бок и подложил сложенные руки под щеку:

— Я готов.

— Готов? Хорошо... Сейчас возьму нашу книгу... Тааак...Вот она...Слушай.

И Лайелл стал читать:

«В одном темном, темном лесу. Под широким листом волшебного папоротника жила семья светлячков. Папа-светлячок, мама-светлячок и сынок-светлячок. Жили они дружно, не ссорились. Папа приносил вкусную еду, мама готовила из нее обед, а сынок был так любопытен, что все норовил сползти на соседний лист и посмотреть, что там.

— Сынок, не уползай далеко! – говорила ему мама, – Придут злые люди и украдут тебя, посадят в прозрачный домик, так и погибнешь.

Но сынок-светлячок не послушался. Пока родители не видели, отполз далеко, далеко. И заблудился. Что же делать? Вдруг видит пенек. Забрался на него повыше и стал смотреть по сторонам, может увидит где дом находится. Шел мимо человек. Увидел светлячка, взял его и посадил в стеклянную банку. Стал смеяться, трясти банку и смотреть на светлячка сквозь стекло. Светлячок так испугался, что свет его потускнел и он стал походить на обычного червячка. Оглянулся по сторонам и видит, что он в банке не один, а сидят там еще трое светлячков, тоже потускневших. Подполз он к ним и стал спрашивать, как они тут оказались и можно ли им как-то выбраться. Но светлячки только плакали и говорили, что тоже не послушались родителей и оказались в банке, а как выбраться никто не знает. На дне банки лежало несколько старых листьев. Вдруг из-под них выползает старый престарый светляк, весь седой и белый, света от него и подавно нет, а в руках длинный посох. И говорит он:

— Я знаю, как нам выбраться, друзья мои! Но для этого надо, чтобы кто-то родился на листе волшебного папоротника. Есть ли среди вас такие?

Все стали озираться друг на друга и тут сынок-светлячок выступил вперед:

— Я родился на листе волшебного папоротника, там мои родители и мой дом. Они, наверное, очень на меня сердятся за то, что я ушел без спроса.

— Что ж, теперь мы сумеем выбраться наружу. Волшебный папоротник наделяет силой света тех, чьим домом он стал. Но для этого надо собраться пятерым светлячкам вместе, взяться за руки, и они засияют ярче звезд на небе. Сколько же нас теперь? – спросил старый светляк.

Оглянулись, посчитали и увидели, что их как раз пятеро. Встали они в круг, старик-светляк ударил посохом и взялись они за руки. Дрогнул лист волшебного папоротника, словно произнес заклинание и засветились светлячки в банке. Да так ярко и горячо, что человек испугался, бросил банку и убежал, размахивая обожженной рукой. Упала банка и разбилась о землю. Все светлячки были на свободе. Огляделся старый светляк по сторонам и воскликнул:

— Это же лист волшебного папоротника! – он посмотрел на сына-светлячка. – Это твой дом?

Обрадовался сынок-светлячок что дом совсем рядом и пригласил всех на чай. Родители светлячка сидели и горевали, думая, что их сын пропал насовсем. Но тут он появился и привел за собой друзей.

— Папа, мама, простите меня, что не послушал вас и уполз без спроса. Если бы не мои друзья, пропал бы я совсем.

Родители бросились обнимать и целовать своего сына-светлячка. А старого светляка и его друзей благодарили как могли. Всех напоили чаем с медом из цветка волшебного папоротника. А после старый светляк отвел остальных светлячков к их родителям, оказалось, что все

они жили неподалеку. Друзья договорились видеться друг с другом и помнить завет старого светляка, что если взяться за руки друзьям, то им никакая беда не страшна».

Лайелл закрыл книгу и посмотрел на сына. Римус крепко спал, улыбаясь во сне. Лицо его светилось от света луны в окне.

— Спи, мой светлячок! – отец поцеловал сына и вышел из комнаты.

— Ну, что уснул? – спросила тихим голосом Хоуп, когда Лайелл спустился в гостиную.

— Да, когда прочитал ему сказку, сразу уснул.

— Про светлячка...?

Лайелл улыбнулся:

— Про светлячка...

— Лайелл, милый, знаю, что вы с Ван Дейком ждете вестей из больницы святого Мунго. Мне тоже жаль Кокрила, но может ты все же отдохнешь! Я знаю, что ты будешь спорить. Поэтому, на всякий случай, постелила тебе в твоем кабинете.

— Спасибо, моя родная! Что бы я без тебя делал?

— Что! Что! Искал бы себе невесту в темном лесу среди боггартов!

Они рассмеялись и Лайелл пошел в кабинет к камину ждать известий от Ван Дейка.

— Пойду приготовлю тебе кофе.

— Спасибо, милая.

А в это время за домом Люпинов наблюдали из ближайших зарослей вереска. Три пары больших, налитых кровью глаз смотрели на окно второго этажа, где светилась лампа в виде гриба мухомора.

— Здесь..., – прорычал низкий голос из мрака, – я чувствую запах сладкой, совсем юной плоти.

Из леса вышли три тени и направились к дому Люпина. Полная луна выглянула из-за ночного облака и осветила лужайку перед домом. По лужайке шли три страшных существа. Двое были с лицами, искаженными гримасами боли и ярости. Они больше походили на людей, но глубокие шрамы, длинные когти на руках и звериный оскал говорили, что они не совсем люди. Третий был выше остальных, все его тело покрывала серая шерсть, видом он походил на волка на двух задних лапах. Но лицо выражало не боль, а радость от предвкушения долгожданной добычи. В глазах горел огонь разумного и, в тоже время, страшного существа. Фенрир прорычал:

— Вы двое пойдете через первый этаж. Отвлеките волшебника. Помните, у него есть палочка! А я займусь мальчишкой. После получите его женщину на десерт.

Два полу человека полу волка нетерпеливо заскулили. Фенрир бодрил своих товарищей:

— Делайте как я говорю и мир будет у наших ног! – с этими словами он одним прыжком запрыгнул на карниз между первым и вторым этажом. Оборотень заглянул в окно. Мальчик спал в своей кровати.

— Теперь это мой ребенок, – Сивый повел носом. Никого больше нет. Он тихонько сдвинул раму окна...

...

В это время в больнице святого Мунго Теодору Кокрилу вливали готовое противоядие. Как только было влито достаточное количество зелья, Кокрил пошевелился и открыл глаза. Он обвел окружавших его целителей беспомощным взглядом и шепотом произнес:

— Люпин...

— Мистер Кокрил, мы рады что вы пришли в себя, вы в безопасности и находитесь в больнице святого Мунго...

— Люпин...

— Вы очень ослабели за это время, вам надо набраться сил...

— Позовите Люпина..., – Кокрил говорил с трудом, но в голосе была твердость и настойчивость.

— Хорошо, хорошо! Я Маркус Форчик, кузен вашего коллеги Мартина Ван Дейка. Вы можете рассказать мне, а я передам Мартину.

Кокрил посмотрел на Маркуса. Было видно, что сил у него почти не осталось и он с трудом говорил, останавливаясь и переводя дыхание:

— Скажите, Мартину... Пусть он найдет Люпина... Это был Фенрир Сивый... Оборотень, которого мы искали... Сивый идет за Люпином... Ему нужен его сын...

Кокрил уронил голову на подушку, сил не осталось.

— Отдыхайте, мистер Кокрил, набирайтесь сил.

Взволнованный Маркус задернул занавеску над кроватью Кокрила и поспешил к своему кабинету, где горел разожженный камин.

...

Лайелл задремал в кресле возле уютного камина. Ему снилось как он едет на машине по полю с нарциссами. Вот он проехал все поле и уже находился на краю густого темного леса. Лайелл остановился и вышел из машины. Из темноты лесной чащи кто-то смотрел на него. Лайелл чувствовал, но не мог разглядеть кто это. Мигнули красные глаза в тени. Лайелл стал машинально бить по карманам и искать палочку. Чей-то знакомый голос позвал его:

— Лайелл..., – потом еще громче, – Лайелл!

Потом детский плач

— Римус! – кричала Хоуп.

Люпин проснулся. Вокруг было темно. И только свет от углей из камина выхватывал из тени невнятные очертания. В гостиной что-то тяжело упало на пол. Зазвенела разбитая посуда со стола.

— Лайелл, беги наверх к Римусу!

Люпин выхватил палочку и бросился в гостиную, от резкого пробуждения он еще туго соображал. В гостиной все было разбросано в разные стороны. Упавшие свечи со стола подожгли занавеску. Свет от огня осветил всю комнату, Люпин увидел двух чудовищ, застывших на месте и... Хоуп. Люпин, потрясенный и восхищенный, не мог оторвать взгляда от своей жены. Она стояла с отцовским ружьем навскидку и с, искаженным от ярости и страха, лицом кричала:

— Вон из моего дома! Клянусь Богом, я убью любого, кто приблизится!

Дружки Сивого явно не ожидали такого отпора и стояли в замешательстве.

Люпин взмахнул палочкой в сторону ближайшего противника:

— Остолбеней, – красный луч вылетел из палочки Люпина и пролетел в сантиметре от уха противника. Два полу оборотня развернулись к Люпину лицом, оскалились и зарычали, но не двинулись с места.

— Лайелл, беги к Римусу, я их задержу!

И тут Люпин услышал, как Римус кричит, словно от невыносимой боли. Люпина бросило в холодный пот, страх за сына был такой, что перехватило дыхание, а сердце было готово вырваться из груди. Лайелл бросился наверх. Словно молния мелькнула мысль в голове:

«У Хоуп всего один ствол, а значит один патрон»

Но раздумывать было некогда. За пару шагов Люпин перескочил лестничный пролет, подбежал к двери детской спальни и, не применяя волшебства, резко ударил ногой. Дверь вылетела с петель.

— Люмос! – Люпин осветил комнату сына.

Римус лежал на кровати с разорванным плечом и не подавал признаков жизни. Над ним стоял и дико скалился огромный монстр, его рука лежала на шее мальчика. Это был человекоподобный огромный волк, который одним взмахом когтей мог разорвать ребенка пополам.

— Не вздумай двигаться, иначе я сломаю мальчишке шею... Он еще жив, – снисходительно добавил оборотень.

— Чего ты хочешь? Что тебе надо? – Люпин держал палочку наготове, но не смел применить. Его рука, как и его голос дрожали от страха за своего мальчика. Сивый заметил это и улыбнулся.

— Тебе страшно, волшебник? Ты боишься потерять свое дитя? Ты его уже потерял.

Руки Лайелла задрожали.

— Ты лжешь!

— Я лгу только тогда, когда мне надо скрыть свою личность от ваших вонючих палочек, – Сивый зарычал на последних словах, – вы все - жалкое подобие мелких князьков, упивающихся собственной властью. Я покажу вам ваше истинное место... Мой яд уже в крови этого мальчика..., когда он вырастет и станет таким же как все мои дети, он проклянет вас и всех носящих палочки. Ведь ему никогда не быть таким же. Он примкнет к моей семье, нас станет больше, и мы изгоним волшебников прочь.

— Поэтому ты нападаешь на детей? Тебе нужна армия?

— Не совсем так. Мне нужна семья. Семейные узы гораздо крепче служебных. Все мои дети готовы умереть за семью.

Лайелл старался сохранить самообладание.

— Ты говоришь о семье, но не всех оставляешь жить.

— Верно подметил, волшебник. Не каждый достоин моего дара. Иногда не могу себе отказать полакомиться свеженьким нежнейшим мясом.

Люпин почувствовал, как тошнота подкатила к горлу, он еле сдерживался чтобы не броситься на оборотня. От ярости он готов был вцепиться в глотку чудовища зубами и рвать его в клочья пока тот не испустит дух. Внезапно внизу послышались звуки борьбы. Потом громкий ружейный выстрел и кто-то упал, тяжело повалившись на пол. Затем голос Ван Дейка выкрикнул:

— Экспилиармус!

Послышался треск оконной рамы и разбитого стекла, словно кто-то большой выпрыгнул в окно.

Сивый зарычал и повернулся к окну. Он увидел, как один из его товарищей бежит через лужайку, а вслед ему летят красные лучи оглушающих заклинаний. Одно из них настигло его почти у самого леса, и он повалился на плетеную ограду, но тут же встал, держась за бок, добежал до леса и скрылся во мраке. Сивый отвлекся на это зрелище и ослабил хватку на шее Римуса. Лайелл собрал воедино всю свою ярость и вложил в заклинание:

— Петрификус Тоталус!

Оборотень замер, пораженный заклятием.

— Депульсо!

Раздался громкий взрыв, заклинание ударило Сивого прямо в грудь и вышвырнуло его в окно с такой силой, что он пролетел по двору добрых два десятка футов, упал на землю и остался лежать не шевелясь. Лайелл бросился к сыну. Лицо Римуса было белее снега, вокруг на простыне и на одеяле было много крови. Его левое плечо было разорвано словно из него вырвали кусок плоти.

— Римус! Римус! – Лайелл в отчаянии пытался привести его в чувство. Он послушал сердце и услышал слабый стук.

— Слава Мерлину, он жив! – Лайелл взял сына на руки и побежал с ним вниз. Навстречу уже бежали Хоуп и Ван Дейк.

— Лайелл, как Римус?

Хоуп закричала, увидев руку Римуса.

— Лайелл, что с ним? Он... он жив? Римус, сынок, очнись!

Хоуп рыдала и пыталась выхватить сына из рук Лайелла. Ван Дейк растерянно смотрел на мальчика:

— Черт! Лайелл, его плечо.

Мысли Люпина вдруг заработали быстро и четко.

— Мартин, ты можешь пройти в кабинет своего кузена и взять экстракт бадьяна?

— Да..., наверное, могу, – неуверенно сказал Ван Дейк.

Люпин положил Римуса на софу в гостиной.

— Тогда иди Мартин... Быстро!

Ван Дейк ступил одной ногой в камин. Люпин остановил его:

— Подожди! Умоляю тебя, никому ни слова. Потом все объясню.

Мартин кивнул и исчез в огне. Хоуп плакала, целовала лицо Римуса:

— Сынок очнись! Лайелл сделай что-нибудь!

— Это укус оборотня Хоуп, от него нет лекарств. Бадьян нам поможет залечить рану.

Через пару минут из камина выскочил Ван Дейк.

— Вот экстракт бадьяна и еще... кровевосполняющее зелье. Я взял все в кабинете Маркуса. Он не знает, что я был там в его отсутствие.

Лайелл открыл пузырек и капнул несколько капель на рану сына. Рана стала затягиваться и через мгновение ресницы Римуса дернулись и заморгали.

— Мама, – слабо проговорил Римус.

Лайелл налил в ложку зелье.

— Выпей это, сынок!

Римус выпил и поморщился. Сейчас же его щеки заиграли румянцем. Римус пошевелился и заплакал.

— Мама, я так испугался. Ко мне в комнату залез волк. Я думал это сон, а он укусил меня!

— Все хорошо, мой мальчик. Мы прогнали волка. – Хоуп плакала и обнимала сына.

Лайелл снова капнул несколько капель бадьяна на рану и, глядя как она затягивается, взволнованным, но четким голосом заговорил с Ван Дейком:

— Мартин, спасибо тебе! Спасибо! Ты сегодня спас нас. Если бы не ты, не знаю, чем бы все закончилось. Но... как ты здесь оказался?

И Ван Дейк рассказал, как кузен Маркус пересказал ему слова Кокрила, и он тут же поспешил опустить голову в камин. Но высунув голову в доме у Люпина услышал звуки погрома и увидел, что в гостиной огонь. Ван Дейк понял, что дело неладно и выбрался из камина в кабинет. Выскочил в гостиную, где Хоуп держала на мушке двух негодяев. Когда они увидели, что к девушке подоспела подмога, то запаниковали. Один прыгнул в сторону Хоуп, она выстрелила в нападавшего из ружья и сильно ранила, второго Ван Дейк попытался оглушить, но тот выпрыгнул в окно и убежал. Ван Дейк видел, что одно из заклинаний, посланных вслед, достигло цели, но был удивлен, когда беглец сумел встать и добраться до леса. Потом он связал раненого и потушил огонь в гостиной. Хоуп бросилась наверх, и он за ней. Остальное Люпин сам знал.

Римусу стало лучше и он задремал на руках у Хоуп. Лайелл негромко проговорил:

— Это был тот самый Фенрир Сивый. Он не обычный оборотень. Он говорил, как человек, он все понимал. Кажется, мы еще многого не знаем об этих чудовищах. Но одно мы знаем точно, Сивый очень опасен. Если бы не ты, Мартин! Ты сегодня столько сделал для нашей семьи... Столько, что я на всю жизнь у тебя в долгу. Но... могу ли я попросить тебя еще об одной услуге?

— Конечно, Лайелл, что угодно! – горячо сказал Ван Дейк.

— Скоро сюда прибудет служба безопасности. Столько волшебства в магловском селении они не могли не заметить. Да и ты нарушил правила домашнего ареста. Они все выяснят и будут задавать вопросы. Прошу тебя... не говори никому... про Римуса.

Ван Дейк и Хоуп посмотрели на Лайелла. Хоуп снова заплакала и отвернулась, а Ван Дейк кивнул.

— Я понимаю, Лайелл.

— Никто не пострадал, – Медленно по слогам проговорил Люпин, - мы отбили нападение оборотней, но никто не пострадал.

Люпин продолжал:

— Если узнают о ране Римуса, его не оставят в покое. Всю жизнь он проведет под наблюдением, никто не станет с ним общаться и все будут считать его чужаком. Его не возьмут в школу и вся жизнь его будет поломана. Мартин, пообещай мне, что о случившемся будем знать только мы трое и... Римус.

— Обещаю, Лайелл! Никто не узнает о Римусе... Обещаю!

С тех пор нападения прекратились. Пойманный подельник умер от раны, полученной выстрелом Хоуп. Тело Фенрира Сивого не нашли, оно исчезло прямо со двора. Если Сивый остался жив, то ему здорово досталось. Некоторые считали, что он жив и «залег на дно». После нападения на дом Люпина всем сотрудникам министерства было строго приказано в обязательном порядке снабжать свои дома защитными чарами. Проникновение без разрешения на территорию такого дома, тут же становилось известно сотрудникам мракоборческого центра и специальный отряд мракоборцев всегда был готов оказать помощь, если таковая была необходима. Половине деревни Бонвилстон пришлось заменять воспоминания, слишком много шума наделало это нападение. К удовлетворению Люпина в газете «Ежедневный пророк» ограничились короткой заметкой о происшествии:

«Сегодня ночью в долине Гламорган в деревушке маглов Бонвилстон, широко известной казнями ведьм в средние века, произошла попытка взлома дома волшебника. К слову, надо сказать, что волшебник является действующим сотрудником министерства магии. Взломщиков спугнули хозяева и гости в доме, отчего взломщики поспешили ретироваться. Доподлинно неизвестна цель этих злоумышленников. То ли это была попытка ограбления, то ли еще чего-то, мы не знаем, министерство по этому поводу комментариев не дает.»

После нападения прошло почти шесть лет. Многое изменилось за эти годы. Министр магии Нобби Лич внезапно заболел неизвестной болезнью и был вынужден покинуть свой пост. Поговаривали, что к его странной болезни и последующей отставке приложил руку Абраксас Малфой. Следующим министром магии стала Юджина Дженкинс, которая, как и предыдущий министр терпеть не могла разговоров о чистоте крови. Это назначение устроило далеко не всех влиятельных людей волшебного мира и за спиной у нового министра продолжили шептаться так же как прежде у старого.

Мистер Бейтс вышел на пенсию. И отдел контроля магических популяций возглавил Уэйн Гудвин младший. В отделе его сразу невзлюбили за жесткий нрав и нетерпимость ко всему, что сделано руками маглов. Лайелл и Ван Дейк старались не попадаться ему на глаза и все чаще подумывали о переводе в другой отдел. Укус оборотня не прошел бесследно. С каждым годом Римусу становилось только хуже. Мальчик проявлял задатки волшебника и в обычные дни вел себя как все дети. Бегал, играл, смеялся и пробовал колдовать отцовской палочкой. В такие дни Лайелл тешил себя надеждой, что может удастся выучить Римуса волшебству и дать ему профессию. Но ближе к полнолунию все менялось. Римус терял интерес к играм, становился мрачным и грустным, а в ночь полнолуния происходил ужасный приступ, похожий на эпилептический припадок. Римус катался по полу, рычал и сжимал зубы. Было видно, что приступ причинял мальчику нестерпимую боль и мучения, но родители ничего не могли поделать с этим и как-то облегчить страдания сына. Лайелл и Хоуп мучились вместе с ним, зная, что лекарства от болезни нет. Они редко отпускали Римуса на улицу, боясь, что деревенские мальчишки обидят его. Мальчик рос и припадки становились сильнее. Поэтому Лайелл и Хоуп, боясь разговоров и подозрений, решили покинуть деревню и перебраться в

большой город, где легче затеряться в толпе. Когда Римусу шел одиннадцатый год они перебрались в Бристоль.

...

Римус сидел возле окна первого этажа в кресле качалке. Он лениво покачивался, ковыряя палкой землю в маминых цветочных горшках. С самого утра мальчик чувствовал себя нехорошо. Тревога и беспокойство сидели где-то глубоко, мучая и грозясь отнять последнее настроение. Вчера ему исполнилось одиннадцать лет, но радости от этого не было. Родители подарили книгу Ньюта Саламандера «Фантастические звери: места обитания». Книга была интересной, но читать совсем не хотелось. Не с кем было поговорить о прочитанном, никто не пришел на день рождения вчера. Папа рассказывал, что в этом возрасте человек становиться настоящим волшебником и отправляется на учебу в школу чародейства и волшебства Хогвартс. Учеба начинается в сентябре, а значит, через каких-то шесть месяцев, он мог бы исполнить свою самую заветную мечту – отправиться в самую лучшую школу и найти себе друзей. Римус боялся, что этому не суждено сбыться. Папа и мама сказали, что он очень сильно болен и болезнь не позволяет находиться вдали от дома почти целый год. Родители обещали научить его всему здесь – дома. Римус в отчаянии проткнул палкой лист одного из цветков:

— Как же мне все надоело! Никуда не выйти! Ни с кем нельзя поиграть или просто поговорить. Даже дружить не с кем..., – ворчал он вполголоса, – хоть бы этот почтальон прошел мимо дома.

Не успел он подумать, как увидел в окно шагающего почтальона Уильяма. Почтальон нравился Римусу. Был не в меру любопытен, а поэтому казался смешным. Вот и теперь, проходя мимо их дома, замедлил шаг. Римус увидел, как он намеренно долго вкладывает письмо в их почтовый ящик, потом роняет его, потом опять вкладывает, а сам в это время заглядывает в окна и пытается что-то разглядеть. Римусу было известно, что их дом заколдован так, что в окнах отражалось совсем не то, что было на самом деле, как раз для того, чтобы вот такие любопытные маглы не увидели лишнего. А еще они не могли войти в дом без приглашения. Так как на дом были наложены маглоотталкивающие чары. Если кто-то из маглов решился бы подойти ко входной двери, то он тут же вдруг вспоминал о неотложном деле и уходил.

Римус встал перед окном и стал показывать почтальону всякие рожицы. Глупый вид Уильяма немного развеселил Римуса. Но вот почтальону надоело вглядываться или долг службы все-таки образумил его, он развернулся уходить. Римус выскочил на улицу, встав на ступеньки нижнего крыльца:

— Добрый день, мистер почтальон! Давненько вас не было видно.

— О! – Уильям обернулся на приветствие, – добрый день, Римус! У нас на почте были кое-какие трудности, – добрый почтальон решил, что не стоит рассказывать мальчику о забастовке на почте, и спросил, – А как твои дела?

— Отлично, сэр! Я только что неплохо посмеялся над одним чудаком.

— Правда? И кто же он?

— Да так, один мой знакомый, вы его не знаете. Кстати, вчера мне исполнилось одиннадцать лет.

— Вот как! Прими мои поздравления, пусть и запоздалые.

— Спасибо, мистер Маркофф.

— Римус, ты можешь смело меня называть - Уильям – сказал мистер Маркофф и добавил, смеясь, – но не называй меня Билл. Это было бы не очень вежливо.

— Хорошо, Уильям, – улыбнулся Римус.

— Значит твой день рождения 10 марта, верно?

— Да, сэр! Верно.

— Значит ты по знаку зодиака Рыбы!

— По знаку... зодиака?

— Ну..., вот я, например, Весы.

Римус заморгал, не понимая, о чем речь. Уильям перевел разговор на другую тему:

— А как поживают твои родители? Все ли в порядке?

— Спасибо, сэр! Все в порядке. Папа на работе, а мама готовит обед.

— Хм..., знаешь, это конечно не мое дело. Но все же любопытно, а кем работает твой отец?

— Мой отец? Э... Он ловит нарушителей спокойствия.

— Интересно! Так он работает в полиции?

— В полиции? – Римус замялся, не зная, что ответить, – не совсем.

Уильям открыл было рот, чтобы спросить, как это работает не совсем в полиции, но тут на крыльцо вышла Хоуп:

— А, это вы, мистер Маркофф! Добрый день! А я думаю, с кем это Римус разговаривает. Римус иди в дом, скоро отец придет на обед.

— Добрый день, миссис Люпин. Я тут принес для вас письмо. Наверное, от ваших родителей! Немного поболтали с Римусом. Такой прекрасный мартовский денек. Мальчик сидит дома, может ему стоит прогуляться по улице? Я мог бы погулять вместе с ним, пока разношу почту, если вы не против, конечно! И мне будет приятно, если вы будете звать меня по имени - Уильям.

Хоуп вздохнула:

— Вы очень добры, Уильям! Я бы с удовольствием его отпустила, но не могу. Римусу нездоровиться, и мы... пока не можем выходить из дома… по крайней мере какое-то время.

Уильям из вежливости не стал спрашивать про болезнь Римуса.

— Ну что ж, не буду вас задерживать миссис Люпин

— Я – Хоуп.

— Еще увидимся, Хоуп. Пока, Римус.

И почтальон зашагал дальше по своему маршруту.

— Мам, может я мог бы прогуляться с нашим почтальоном?! Совсем ненадолго.

— В другой раз, Римус. Сегодня... неподходящий день.

Римус обиженно развернулся и пошел в дом.

— Нельзя... не сегодня... не тот день, – ворчал он негромко.

Хоуп вздохнула и посмотрела на улицу. Прекрасный солнечный день, весенний свежий воздух. Как же хочется самой выйти из заточения, пойти с сыном в парк и покататься на каруселе. Так и быть, пройдут эти три дня, и они обязательно сходят все вместе куда-нибудь. Она вынула письмо из ящика. Так и есть, отправитель Мелинда Хауэлл, мама Хоуп. Мелькнула серая тень над домом. Это сова влетела в окно второго этажа. Ну вот опять! Они же просили не посылать сов днем. Слишком заметно в городе. Хоуп недовольная пошла на второй этаж.

Сова сипуха сидела на спинке кресла и держала в клюве письмо. Римус стоял рядом и одной рукой гладил ее по перьям, а другой предлагал угощение печеньем в виде рыбок. Сова ухала и поднимала одну лапу, к которой был привязан маленький мешочек. Она давала понять, что прилетела не за ласками, а по делу и печенье ее не интересует. Расплатитесь и я полетела дальше, у меня еще много дел, как-бы говорила птица. Хоуп положила в мешочек совы один кнат, это такие мелкие медные монеты у волшебников. И только после этого взяла письмо. Хоуп показала, что ответа не будет и сова свободна. Сипуха ухнула напоследок и вылетела в открытое окно. Адрес на письме был написан тонким косым почерком. Хоуп уже видела этот почерк раньше. Лайелл с восхищением говорил о человеке, который так писал. Он говорил, что это величайший из всех волшебников. Называл его своим учителем. Называл великим не только магом, но и человеком. Хоуп увидела подпись - Альбус Дамблдор. И получатели Лайелл и Хоуп Люпины. Хоуп удивленно перечитала имена получателей и спрятала письмо в рукав платья.

— Мам, что там?

— Это... папе... по работе, – соврала она.

— Мама... я видел там твое имя.

— Римус, сынок, давай дождемся папу. Он должен быть с минуты на минуту.

— Ладно..., – устало сказал Римус и сел в кресло. Его лицо было бледным, а на лбу проступили капельки пота.

Хоуп запаниковала:

— Сынок, тебе не хорошо! Выпей воды, – Хоуп заметалась по комнате, – где же Лайелл, он же не мог забыть какой сегодня день!

В камине в гостиной сверкнула яркая вспышка. Из него, перепачканный сажей, вышел Лайелл Люпин. Он отряхнулся от остатков золы на костюме и саквояже.

— Слава богу, Лайелл, я уже начала нервничать.

— Прости, дорогая, задержали на службе. Что-нибудь случилось?

— Еще нет, но сегодня сам знаешь какой день. Римус нехорошо себя чувствует.

— Сынок, как ты? – Лайелл подошел к сидящему Римусу и вытер платком его лоб.

— Нормально, пап, – лицо Римуса было белым, а руки бессильно свисали.

— Надо накормить его.

Все семейство спустилось в столовую. Лайелл подвинул кресло с сыном к столу и взял ложку, – давай сынок, пообедаем.

— Мне не хочется.

— Надо, родной, поешь хоть немного, – Хоуп стояла рядом и гладила Римуса по голове.

Лайелл стал кормить сына куриным супом. На щеках у Римуса появился румянец. Кажется, присутствие рядом обоих родителей хорошо влияло на Римуса, ему стало немного лучше. Пообедав, он встал из-за стола и пошел к окну. Там на улице кипела жизнь и Римус мечтательно пристроился на подоконнике, наблюдая как люди бегают и суетятся. Лайелл с горечью посмотрел на сына. Он отдал бы все богатства мира, лишь бы его мальчик был счастлив. Все эти годы Лайелл пропадал в библиотеках и лабораториях, пытаясь найти хоть какое-то лекарство для Римуса, чтобы облегчить его жизнь, но все тщетно. Все, что удалось найти это несколько заклинаний, чтобы сдерживать зверя во время превращения хотя бы короткое время. Но Римус рос вместе со зверем внутри и все труднее было сдержать его.

— Дорогой, пришло письмо от мамы..., – Хоуп запнулась.

— Правда! Что пишут родители?

— Еще не читала... У меня тут... Еще одно письмо... Сова принесла...

Лайелл удивленно посмотрел на Хоуп.

— Мы же вроде всем говорили, не посылать сов днем... Что это? Нам? От Дамблдора!

Лайелл наспех разорвал письмо и стал читать вполголоса, так чтобы слышала Хоуп и не слышал Римус:

— «Уважаемые Лайелл и Хоуп Люпины! Прошу простить меня за то, что запоздал с письмом. Понимаю, что, став директором школы чародейства и волшебства Хогвартс, я не должен искать себе оправдания в занятости и большом количестве обязанностей, которые свалились на мою седую голову. Но все же некоторые обстоятельства немного задержали мои поздравления. Что, в общем, я и намеревался сделать, садясь писать это письмо…»

Лайелл и Хоуп переглянулись.

— «Для меня большая честь поздравить Вашего сына Римуса с днем рождения. Одиннадцать лет важнейшая дата в жизни каждого волшебника. Говорят, что какое письмо получишь на эту дату так всю жизнь и проведешь. Передайте Римусу, что я желаю ему крепкого здоровья ни смотря ни на что, такого же большого и доброго сердца как у его отца и матери, а также собственной волшебной палочки в скором времени. Написав все это, я все же надеюсь передать мои поздравления Римусу лично…»

У Лайелла появилось нехорошее предчувствие, он продолжал читать:

— «Если Вы не против компании еще не совсем старого и выжившего из ума волшебника, я хотел бы навестить Вас сегодня вечером и познакомиться с Римусом и Хоуп. Тебя, Лайелл, я конечно давно знаю, помню, как преподавал тебе трансфигурацию. И могу сказать, я очень рад, что участвовал в обучении такого специалиста как ты. Твой сын по праву может тобой гордиться. Надеюсь я не сильно Вас побеспокою, если зайду в гости. Мне надо поговорить с Вами по очень важному делу. Постскриптум. Надеюсь вы оставили мне кусочек торта со дня рождения?!»

Лайелл занервничал.

— Что, черт возьми, все это значит? О чем хочет поговорить Дамблдор? И как я ему покажу Римуса. Сегодня ночь полнолуния. Надо что-то придумать.

— Может сделать вид, что нас нет дома, – предложила Хоуп.

— Неудобно. Дамблдор очень хороший человек. С ним так нельзя... И он не приходит просто так. Видимо у Дамблдора и правда важное дело.

— Скажем, что Римус болен и не может выйти из комнаты.

— Так и придется сделать. Хорошо... Милая, скоро вечер. Позанимайтесь пока с Римусом в гостиной. Я пойду в кабинет, и кое-что приготовлю. Мне удалось раскопать одно интересное заклинание «крепкие путы». Если обычную веревку заколдовать этим заклинанием, она сама связывает человека, не нанося ему никакого ущерба. Не больно и надежно. Веревку я прихватил.

Лайелл вытащил из саквояжа моток веревки и книгу заклинаний.

— Что ж, я пойду пока все приготовлю, а потом встретим Дамблдора.

У Хоуп навернулись слезы на глаза, но она сдержала себя:

— Римус, сынок, пойдем в гостиную... Почитаем.

Прошло больше двух часов. На улице вечерело. Римус послушал чтение матери, почитал сам, потом они стали писать под диктовку. Хоуп открыла книгу «Сборник поэзии XVII века. III том. Людовик Босоногий». Отец все не шел. Римус чувствовал себя все хуже, но мужественно держался и не подавал вида. Его знобило, но он терпел. Краем глаза Римус наблюдал за тенью окна на полу. Просветы в тени меняли цвет с желтого на белый.

— Движенье плавное рукой

И духа тени успокой..., – диктовала Хоуп.

«Как я ненавижу белый свет. Он приносит боль...» – думал Римус и записывал пером на пергаменте то, что диктует мама.

Квадратные просветы окна на полу вытягивались в ромбы. Их острые углы тянулись к Римусу. Он тяжело задышал. Если эти ромбики достанут до его руки, будет плохо... Как в прошлый раз... Хоуп зажгла свечи на столе.

— Одно из самых тяжких знаний

Приносит беды от желаний...

В голове становилось больно от посторонних звуков. Словно сотни вилок скрежетали по пустым тарелкам и пронзали молодой мозг болью. Необычайно обострилось чутье. Запах маминых духов ударил в нос и его затошнило. Римус чувствовал и слышал, что отец наверху заснул в своем кресле и сопит так громко, что удивительно как еще мама не услышала.

— У дела всякого конец

Его заслуженный венец...

Сумерки густели..., густели..., а потом засверкали серебристой рябью. Вершины ромбиков от окна превратились в наконечники копий. Эти копья разом вонзились в тело Римуса. Он не закричал, он захрипел. Римус чувствовал, что все его кости кто-то медленно ломает. Гортань словно рвут и выворачивают наизнанку. По венам потек расплавленный свинец. Зверь не стучался. Зверь приходил без спроса. Ему было тесно в теле мальчика, и зверь рвал его

изнутри. Римус научился одному за эти годы. Чем быстрее позволить зверю овладеть собой, тем быстрее боль поглотит тебя и перестанешь ее чувствовать. Как и многое другое... Римус не чувствовал горечи, обид, разочарований, угрызений совести. Ему было все равно. Римус только чувствовал зверя, которому было не все равно. Зверь ненавидел, зверь рвался на свободу, зверь жаждал крови.

Хоуп закричала:

— Лайелл... Лайелл... скорее! Началось!

Теперь Римус сидел в чужом теле. В теле зверя. Словно во сне он смотрел картинки вокруг себя. События вокруг происходят сами и ты ничего не можешь поделать. Вот отец бежит сверху с веревкой в руках. Мама плачет и что-то говорит. Кто-то стоит за окном и подглядывает. Кажется, это почтальон мистер Маркофф. Потом темнота. Римус провалился в глубокую яму и летел... летел...

Лайелл накинул веревку на сына и взмахнул палочкой:

— Легатикус!

Веревка словно змея заползла под сидящего Римуса и обволокла все тело. Лайелл увидел в окне на улице лицо почтальона Уильяма Маркоффа, и приближающегося сзади Дамблдора.

— Алтумус сомнум! – В отчаянии Лайелл усыпил Римуса глубоким сном, который запрещалось использовать без ведома министерства и без присмотра сотрудников отдела волшебного сна.

— Скорее Хоуп, накрой Римуса покрывалом.

— Лайелл?!..., – Хоуп с упреком смотрела на мужа.

— Все в порядке! Он крепко спит. С ним ничего уже не случится. Там у входа Дамблдор. Кажется, он заколдовал нашего почтальона.

— Что…?

— Хоуп, милая, не сейчас..., – Лайелл спешил встретить у входа Дамблдора, чтобы не дать ему войти в дом, – он не должен увидеть Римуса.

Они накинули покрывало на Римуса, тот не шевелился и словно не дышал, а потом поспешили ко входу на главное крыльцо.

— Дорогая, прошу тебя, чтобы не случилось, не выдай своего волнения, Дамблдор видит всех насквозь.

Лайелл открыл дверь, Хоуп выглядывала из-за плеча. На крыльце никого. На улице никого. Хотя не совсем. Возле окон нижнего крыльца стоит почтальон мистер Маркофф. Он совсем не двигается, словно оцепенел. Его глаза сдвинулись к носу как будто наступило косоглазие.

— Эй..., Уильям! – позвал Лайелл и подошел вплотную.

Тот не отозвался и продолжал стоять как вкопанный.

— Да, Дамблдор всегда умел придать изюминку обычным заклинаниям. Но где же он сам?

Внутри послышался какой-то шум.

— Хоуп, скорее, кажется он уже в доме!

Незадачливые хозяева бросились в дом. Вбежали внутрь и поспешили теперь уже обратно в гостиную. В дверях комнаты Лайелл остановился от удивления. Сзади набежала Хоуп, разгоряченная и с красным лицом. Они стояли как громом пораженные и наблюдали странную картину.

Высокий, худой человек с седыми волосами и бородой играл в «плюй-камни» с их сыном Римусом, который не спал, был развязан и чувствовал себя очень даже не плохо:

— Ты слишком сильно кидаешь – говорил Дамблдор, – смотри как надо.

И Дамблдор кидал свой шарик, который катился к линии нарисованного люка и вышибал шарики Римуса. Шарик Дамблдора все-таки закатился за линию люка.

— О, нет! – улыбка сползла с лица Дамблдора.

Шарик дрогнул и брызнул тонкой струйкой какой-то жидкости в сторону Дамблдора. Послышался запах прелой капустой. Римус смеялся без всякого стеснения. Дамблдор вытирал лицо платком:

— Старею! Вот поэтому игру называют «плюй-камни». Они плюются, если проигрываешь очко. Правда сказать, бывает запах и по хуже капусты. О, Лайелл..., добрый вечер! Позвольте представиться, Хоуп..., я Альбус Дамблдор.

Хоуп покраснела, сделала книксен и улыбнулась. Дамблдор продолжал:

— Вы уж извините меня старика, что заявился к вам в такой поздний час. Но уж хотелось самому все увидеть и попробовать уговорить вас.

Лайелл непонимающе посмотрел на Дамблдора:

— Что вы хотели увидеть, Альбус? И на что хотели уговорить? – Лайелл не понимал, как объяснить Дамблдору, что их сын был связан, если Дамблдор его спросит. И на ходу пытался придумать ответ.

— Хоуп, милая, – Дамблдор по-отечески заботливо посмотрел на Хоуп, – вас не затруднит налить мне чашечку чая с лимоном!

— Конечно, профессор, – Хоуп училась только в магловской школе и до знакомства с Люпином не знала о существовании Хогвартса. Слово «профессор» вырвалось, само собой.

Дамблдор лукаво улыбнулся:

— Мне, пожалуйста, две ложки сахара. А еще если у вас остался кусочек торта... я не откажусь.

— Да, да, конечно..., – Хоуп поспешила на кухню.

Римус увлекся игрой в «плюй-камни» и пытался отработать бросок.

— Лайелл, послушай, я все знаю... Знаю, чем болен Римус... Его покусал оборотень по имени Фенрир Сивый.

— Профессор Дамблдор, прошу вас...

— Лайелл, не беспокойся. Об этом будут знать только посвященные. Мы будем хранить эту тайну как можно дольше.

— Но... как вы узнали?

— Видишь ли, у меня повсюду есть свои осведомители. Они самые разные люди и самые разные существа. Многим из них я когда-то помог. Поэтому иногда они снабжают меня самой разнообразной информацией. У меня есть осведомитель из окружения Сивого. Как оказалось, Сивый очень болтлив. Любит похвастать о своих … э-э… делишках. И проговорился, что напал на семью волшебника из министерства... Покусал его маленького сына несколько лет назад. Я сопоставил некоторые факты и...

— Так Сивый жив?

— Да... Он жив.

— Профессор Дамблдор, если вы знаете где он находится, то сообщите в министерство. Мы можем схватить его. Вы же понимаете насколько он опасен?!

— Я не знаю, где он находится в данный момент. У меня есть человек, который общается с такими людьми, которые общаются с оборотнями. Понимаешь? Если мы бросимся искать Фенрира сейчас через эти связи, мы подвергнем моего человека смертельной опасности. А мне нужен агент в таком обществе. Свой... Надежный... Верный.

Лайелл опустил голову.

— Да, я понимаю.

— Но почему ты молчал все эти годы, Лайелл?

— У меня не было выбора, профессор. Его бы забрали у меня. Стали бы его… изучать, проводить опыты. Ведь именно для этого в нашем отделе открыли секцию учета оборотней. Все вокруг узнали бы и отвернулись от него.

— Ты так думаешь, Лайелл...? Что ж не буду тебя переубеждать, возможно ты прав. Но почему ты сразу не обратился ко мне? Мы вроде как не чужие друг другу.

— Я.., я.., не знаю, – Лайелл замялся, он не знал, что ответить. Из-за своей природной скромности он никогда не просил ни у кого помощи. Но тут! В такой ситуации! Почему он не спросил совета у своего любимого учителя. Ему стало стыдно за свою глупость.

— Чай готов, прошу всех в столовую, – позвала Хоуп, – Римус, и ты тоже.

— Ну мам, я еще поиграю!

— Но...

— Все в порядке, Хоуп – сказал Дамблдор, – я наложил защитные чары. Это сработало ненадолго, но до утра хватит. Действие продлится несколько часов, он забудет о превращении и будет чувствовать себя нормальным мальчиком. Боюсь, когда он вырастет, этих чар будет уже недостаточно.

Взрослые вышли в столовую, оставив Римуса играть с камушками.

— М.., очень вкусно, – Дамблдор доел свой торт и допивал чай.

— Послушайте, профессор, кажется вы хотели нас уговорить на что-то?!

— Да, Лайелл. Я считаю, что Римус должен учиться в Хогвартсе. Я верю, что из него вырастет очень талантливый волшебник, которым ты, Лайелл, будешь гордиться!

— Профессор Дамблдор, вы же знаете, это невозможно!

— Почему это невозможно?

— Эти приступы... они случаются каждый месяц... каждое полнолуние. Они длятся по два - три дня. Как можно это скрыть от целой школы? Я был бы счастлив если бы он стал учеником Хогвартса, чтобы он нашел себе друзей, чтобы бы почувствовал себя обычным ребенком, – Лайелл так разволновался, что ему не хватало слов и перехватывало дыхание.

— Вот поэтому я и пришел к вам. У меня есть несколько идей по поводу Римуса, как скрыть его недуг. Мы знаем, что в обычные дни он не опасен и ведет себя как обычный человек, которым он, по сути, и является. Наша задача дать ему почувствовать себя обычным ребенком. Пусть учиться, знакомиться, шалит как все мальчишки. Мы знаем в какие дни болезнь проявляет себя. Что нам мешает просто прятать его в эти дни, в каком-нибудь, недоступном для других, месте? И такое место есть. Это старый заброшенный дом на краю Хогсмида. Туда никто не ходит. Проведем потайной ход от школы, заколотим двери и окна. Поставим там кровать и другую мебель, чтобы он не чувствовал себя ущемленным и брошенным. Мы посвятим в эту тайну мадам Помфри, нашего школьного целителя. Она очень хороший и надежный человек. Она будет помогать мне хранить его тайну и облегчит его страдания во время полнолуния. Ну, как вам мое предложение.

— Я не уверен, профессор! – сказал Лайелл, – я.., мы должны подумать.

Римус выскочил из-за двери:

— Я согласен, согласен! Папа, ты же знаешь, как я всегда мечтал попасть в Хогвартс. Я буду делать все, что скажет профессор Дамблдор! Я буду сидеть в этом доме сколько надо, только позволь мне учиться в этой школе!

Лайелл развел руками, а Дамблдор заулыбался:

— Вот видишь, Лайелл, что тут думать? Римус должен учиться.

— Хорошо... хорошо, дайте мне несколько дней все обдумать!

Дамблдор встал из-за стола:

— Что ж, все что я хотел вам сказать – я сказал. Дело за вами. Благодарю вас за радушный прием, но у меня еще столько дел. Так что я, пожалуй, пойду. Кстати, ваш почтальон, похоже вовсе не магл. Он сумел увидеть вас через защитное заклинание. Сам он не волшебник, но и не магл. Вероятно, в его родословной есть волшебники. А он скорее всего сквиб. Это большая редкость. Надо бы с ним поближе познакомиться. Он может нам пригодиться.

Лайелл совсем потерял дар речи. Столько событий за один день. Хоуп растерянно смотрела на мужа. Дамблдор пошел к выходу:

— Рад был познакомиться, Хоуп. Лайелл, проводишь меня? Надеюсь еще увидимся, Римус.

— До свидания, профессор Дамблдор, – в один голос сказали Римус и Хоуп.

Лайелл пошел проводить Дамблдора, который выходя на улицу, остановился и сказал Люпину:

— Если есть хоть малейшая возможность научить человека искусству волшебства, я буду использовать эту возможность. Мы не должны лишать наших детей возможности учиться, несмотря ни на что. Я чувствую, Лайелл, как вокруг что-то происходит. Тучи сгущаются. Темная сторона что-то затевает. Думаю, ты и сам это видишь. Нас ждут нелегкие времена. И если в наших рядах станет на одного светлого и талантливого волшебника больше, то наша победа станет на шаг ближе. Прощай, Лайелл, надеюсь, ты примешь верное решение.

С этими словами Дамблдор пошел к застывшему почтальону. Лайелл видел, как Дамблдор коснулся палочкой руки почтальона.

— Оживи!

Почтальон зашевелился и огляделся по сторонам. Дамблдор улыбался Уильяму Маркоффу:

— Уважаемый, что же вы стоите здесь один посреди ночи. Давайте, я провожу вас домой!

И они зашагали вдвоем прочь по улице. Лайелл смотрел им вслед и думал, что этот день был одним из самых невероятных в его жизни.

Глава IV.

Римус получил письмо.

Лето 1971 года выдалось богатым на погодные аномалии. После дождливого июня, пришел жаркий и сухой июль. Тропическая жара, внезапно свалившаяся на центральную Британию, словно остановила жизнь. Люди передвигались по улице лениво и молча, а если было возможно, то вообще не выходили из дома, прятались в тени и пили холодный чай. По телевидению жаловались на погоду и передавали спортивные новости без свойственного интереса. Казалось, даже автомобили снизили свою скорость передвижения, а таксисты вообще стояли без дела. Собаки и кошки лежали под кустами без всяких эмоций, совсем потеряв интерес друг к другу. Однако не все так тяжело переживали невероятную жару. Одиннадцатилетний будущий волшебник со светло-каштановыми волосами сидел на скамье в парке Котэм Гарденс. Его лицо излучало счастье. Проходившие мимо посетители парка невольно улыбались симпатичному мальчику, который откинувшись на спинку скамьи запрокинул голову, словно ловил подкинутую конфету открытым ртом. Римус смотрел как сквозь густую крону нависающего дуба появляются и исчезают солнечные зайчики, которых он пытался поймать и проглотить. Легкая россыпь чуть заметных веснушек покрывала бледные скулы мальчика, два больших передних зуба с широким просветом наводили еще большее умиление на проходивших взрослых. Рядом с Римусом сидел Уильям Маркофф словно дедушка с внуком, которые наслаждаются свежестью и прохладой парка в летний жаркий день. Воздух вокруг был наполнен ароматом жасмина, желудей и...

— Странное дело! - Пробормотал старый почтальон, оглядываясь по сторонам и принюхиваясь. - Тебе не кажется, что пахнет краской?

— Ага, есть немного. - Римус продолжал заигрывать с солнечными зайчиками.

— Наверное где-то недалеко красят забор. – сказал Уильям, и откинулся на спинку скамьи, подражая Римусу. Хоуп теперь отпускала сына на прогулку вместе с почтальоном, кото-

рый стал их частым гостем в последнее время. Она решила, что хватит мучить сына в заточении в скучном доме, а почтальон очень кстати оказался добрым и надежным человеком. Да еще к тому же не маглом. После событий мартовской ночи, когда Уильям познакомился с Дамблдором и узнал, что он сквиб, прошло несколько месяцев. По разрешению и настоянию Дамблдора почтальон был посвящен в некоторые тайны существования волшебников, но тайну Римуса ему не открывали, решили, что достаточно и одного потрясения. Уильям прослушал краткий курс о том, как на самом деле все устроено. Нельзя сказать, что мистер Маркофф с легкостью принял известия о существовании двух миров бок о бок друг с другом. Поначалу его посещали мысли, что человек, назвавший себя Альбусом, с бородой до пояса и в мантии вместо костюма, больше похож на чокнутого, чем на профессора какой-то школы, где, якобы, обучали будущих волшебников. Но после того, как Люпины стали принимать Уильяма в своем доме, где Лайелл продемонстрировал несколько безобидных заклинаний, он понял, что мир гораздо более неизведанный и загадочный, чем ему казалось раньше. Были, конечно, мысли, что он просто сошел с ума и всерьез несколько раз просил стукнуть его по голове или окатить ледяной водой. Лайеллу удалось убедить Уильяма отказаться от таких радикальных мер. Добрый почтальон, после рассказа Хоуп о самой себе и о знакомстве с Люпином, решил попробовать все принять как есть и просто наблюдать. Римус был для него как путеводитель в новый мир, который он совсем не знал, но узнавать было чрезвычайно интересно. Уильям вслух пересказывал свою встречу с Дамблдором:

— И вот значит я проснулся. То есть я думал, что проснулся. Помню, что из-за этой дурацкой забастовки я поздно начал свой рабочий день и потому поздно закончил, потом остановился возле вашего дома, любовался на луну. Потом ничего не помню. Надо же как меня отключило! Видимо я совсем старым стал. Потом, значит, этот Дамблдор меня разбудил и помог дойти до дома.

Римус перебил рассказ Уильяма:

— Он приходил, чтобы пригласить меня в школу чародейства и волшебства Хогвартс, и этот самый профессор Дамблдор работает там директором. Маме он понравился, а папа и вовсе восхищается им. Мне он тоже понравился.

— Значит все-таки есть такая школа?!

— Да, есть. И я больше всего на свете хочу туда попасть. Надо только дождаться приглашения.

— И чему там учат?

— Ну-у-у... Всему понемногу. - Римус почувствовал прилив творческого обмана. - Различным видам магии... Ну и тому, что может пригодиться в жизни. Папа называл несколько предметов, которые придется изучать. Например, изучение великанов и троллей..., полеты в воздухе, дыхание под водой..., поиск кладов.

Уильям слушал изумленно, открыв рот. Он верил всему на слово, а это значит, что у Римуса была возможность дать волю своей фантазии, все равно его некому было проверить, правда если только папа не узнает.

— Ух ты! Надо же! А как же обычные науки? Правописание, математика?

— Этому меня учит мама, – грустно вздохнул Римус, - У нас дома.

Они помолчали немного. Уильям вспоминал на чем остановился до того, как Римус его перебил:

— Да... Так вот! Проводил он меня до дома. Зашли, значит, ко мне. Даже и не знаю, как. Я ведь к себе никого уж сто лет не приглашал. А тут как наваждение какое. Словно я его давно знаю, словно он мой старинный товарищ. И все так чинно и вежливо. И бутылка бренди сама собой нашлась. Я ему и себе наливаю. Выпили мы…

За последнее время Римус слышал этот рассказ уже несколько раз, но из-за своей природной тактичности не напоминал Уильяму. К тому же было невероятно приятно ощущать

себя специалистом в некоторых вопросах, а почтальона - учеником с плохой памятью, который снова и снова рассказывает одну и ту же историю, а потом задает одни и те же вопросы, ответы, на многие из которых, не знал и сам Римус.

— Он значит мне и говорит: «А знаете ли, уважаемый, кто вы?». Я так засмеялся, словно он меня разыграть хочет. Конечно, говорю, знаю. Я Уильям Маркофф, житель города Бристоль, отставной сержант Королевского флота, участник «битвы за Атлантику», а ныне работник почтового ведомства. А он так посмотрел на меня лукаво и спрашивает: «А нет ли у вас родственницы по имени Мэри Маркофф?». Ну как же, говорю, была! Бабушка моя Мэри Маркофф родом из России. Но не знаю, жива ли! Из-за войны потерял с ней связь. А потом и искать перестал. А он мне сказал, что она жива, что Дамблдор знает ее лично. Сказал, что они коллеги и пообещал сообщить ей обо мне. Вот, значит, как... Потом сказал ждать вестей от бабушки. И если прилетит в мой дом сова с письмом, сильно не удивляться. Но сова, к сожалению, пока не прилетела. Уж не знаю, что и думать. Может он пошутил? А?

Уильям вздохнул и, немного помолчав закончил свой рассказ:

— А потом сказал, что я сквиб. Это, говорит, такой человек, у которого кто-то из предков был волшебником, но самому человеку способности предка не передались, хотя ощущать волшебство они способны. Сквиб... хм... слово то какое… дурацкое!

Римус засмеялся. Уильям посмотрел на него и рассмеялся в ответ. От этого смеха Римусу стало совсем хорошо на душе. Хорошо и от того, что на небе светит яркое солнце, а на улице так спокойно и тихо, и от того, что рядом на скамье сидит чудаковатый почтальон, к которому он уже давно успел привыкнуть и даже почувствовать привязанность, но главное то, что сегодня Римус ждал письмо. Мама с папой все-таки решились отпустить его в школу. Надо только дождаться заветного приглашения. А еще ему разрешают гулять. Вместе с почтальоном. Каждый день Римус с нетерпением ожидал прихода Уильяма, помогал таскать тяжелую сумку с письмами, журналами и газетами, а потом они подолгу сидели в парке, ели мороженное и болтали о волшебниках, хотя и тот, и другой мало что понимали в этом вопросе. Уильям знал только то, что слышал от Римуса и его родителей. А Римус знал очень мало, в силу закрытости своей жизни. Родители, пытаясь защитить своего сына, всячески опекали его и пресекали любые контакты с другими людьми. На старом месте в деревушке Бонвилстон он, конечно, иногда играл с деревенскими мальчишками маглами под присмотром мамы, но других волшебников там Римус не встречал, а после переезда в город так и не завел себе друзей, кроме Уильяма. Иногда их семью навещал папин друг и коллега Мартин Ван Дейк, но это был единственный, кроме отца, человек из другого мира. Мира волшебников, который манил своей таинственной притягательностью. Мир, который ему предстояло узнать и открыть для себя. Самому! Без родителей! Эта мысль грела его все прошедшее время после визита Дамблдора. Он жил в ожидании. В ожидании неведомого и притягательного. В голове Римуса разыгралась целая драма:

— Они непременно должны принять меня...

— По-другому и быть не должно...

— А вдруг...! Вдруг про меня забыли? Вдруг окажется, что для поступления надо обладать какими-нибудь невероятными талантами...

— Но у меня нет никаких талантов!

От таких мыслей становилось невыносимо жутко, сводило живот и потели ладони. Он, конечно, держал в руках отцовскую палочку и даже попробовал несколько простых заклинаний из книги Харви Гардика «Первая тренировка с палочкой», которую читала мама. Палочка в руках Римуса не слушалась и иногда неожиданно выстреливала струей горячей воды и сбивала предметы с полок. Кое-что он знал из папиных рассказов и нескольких книг из отцовской библиотеки. Например, из книг Ньюта Саламандера он узнал, как много волшебных существ обитает в мире. История Магии миссис Батильды Бэгшот открывалась несколько раз, но и

это немного расширило кругозор Римуса. Детективный роман Дульсинеи Колумба «По следам темного колдуна» был его любимой книгой. Правда по этой причине пострадали несколько декоративных тарелок на стенах, когда Римус с папиной палочкой «преследовал» по дому этого самого колдуна. После того как колдун был повержен, отец терпеливо показывал пользу простого заклинания «Репаро».

Римус пытался вспомнить себя совсем маленьким, но прошлое ускользало в туман и не открывалось. Для него воспоминания начинались с укуса. Словно страшный сон, застрявший в голове, который то исчезал, то, наоборот, играл яркими красками. Он помнил страх, потом боль, и большие глаза, налитые кровью. Вот что помнил Римус. Глаза перед своим лицом, тяжелое зловонное дыхание и острая боль от клыков, пронзающих плоть. Потом забвение. Потом несладкое детство с постоянным контролем. Контролем и сознанием, что он очень сильно болен. Потом ежемесячные приступы, когда эти страшные глаза вновь возвращались к нему и чудовище пыталось вырваться на свободу из него самого. Что это было, никто не рассказывал, объясняя болезнью, а он боялся спрашивать, чтобы не огорчать маму. Но Римус в глубине души подозревал, что чудовище внутри – это он сам, это его темная сторона, его болезнь, с которой ему могут помочь бороться в Хогвартсе. В библиотеке отца он нашел книгу с рассказами о чудовищах, именуемых оборотнями. И теперь Римус почти не сомневался кто он такой. Главное, никому не рассказывать, почему он так боится полной луны и ее серебряного света, и на три дня прячется от всех. Не болтать лишнего и скрывать свою тайну. Это главное правило, которое Римус хорошо запомнил за годы своей совсем юной жизни.

«Как говорит папа, к гоблину и к боггарту все это! Сегодня мой самый важный день. Сегодня должны прислать письмо из школы и ничто не испортит мне настроение» – подумал Римус и, заметив тележку мороженщика, обратился к Уильяму:

— Мистер Маркофф, а вы не желаете мороженого?

— Желаю, друг мой! Но давай договоримся, я покупаю мороженое, а ты называешь меня Уильям. Ох уж мне этот «мистер Маркофф»! Знаешь, когда я был на войне! У нас не было мистеров и сэров. Мы называли друг друга по имени. Вот где была настоящая дружба...

Уильям вдруг замолчал, потому что Римус резко наклонился вперед и приставил ладонь ко лбу, закрываясь от солнца и вглядываясь в даль. В небе показалась темная точка, которая быстро приближалась к ним. Вот уже вырисовываются очертания летящей птицы. Это красивая ястребиная сова. В лапах письмо. Сова пролетела над Римусом и скинула ему прямо в руки желтый конверт. Римус схватил его и стал рассматривать. Уильям тоже смотрел с интересом, таких старинных и странных конвертов из плотного пергамента ему еще не доводилось видеть. Они оба смотрели на красную восковую печать, на которой посередине красовалась большая буква «Х», а по кругу расположились изображения четырех животных: лев, орел, барсук и змея. Римус и Уильям переглянулись и стали читать то, что было написано на конверте. На месте адреса красовалась запись: «Бристоль, парк Котэм Гарденс, западный вход, четвертая окрашенная скамья справа, Римусу Люпину».

— Что? – прокричали в один голос Римус и Уильям и вскочили со скамьи

Почтальон осмотрел спину Римуса, потом свою рубашку и заворчал:

— Так вот откуда этот запах краски! Какой идиот красит скамейки в такую жару, да еще и не вешает предупреждение.

Римус покатился со смеху над старым ворчуном. Их спины были покрыты зелеными полосами, а на спине Уильяма висела прилипшая табличка «Окрашено».

Дома Лайелл чистил одежду обоих от краски с помощью волшебной палочки, а возбужденный Римус показывал письмо родителям:

— Пришло, пришло! Это точно оно! – прыгал он от радости.

Лайелл наводил палочку на пиджак Уильяма, развесив его на спинке стула:

— Мой мальчик, это же так здорово! Давай, открывай скорее...! Какая хорошая краска, не сразу поддается.

Уильям смущенно пил чай. А Хоуп, не менее взволнованная, чем Лайелл, не знала куда себя деть:

— Да, да, сынок, открывай! Что там?

Римус сломал печать, открыл конверт и вытащил письмо. Это были два светло-желтых листа пергамента. Уильям вслух, между прочим, заметил:

— Похоже на бумагу из Индии.

Все посмотрели на него с глупым видом, и почтальон поперхнулся чаем. Римус стал вслух читать:

— Школа Чародейства и Волшебства Хогвартс... Директор Альбус Дамблдор... Уважаемый мистер Люпин! Мы рады сообщить вам, что вы зачислены в школу чародейства и волшебства Хогвартс...

Дальше слова поплыли, рот Римуса читал текст машинально, а его разум уже был далеко. Римус чувствовал, как ветер свободы дует в самые ноздри такой свежестью, что даже голова закружилась от предвкушения.

«Наконец – то! Теперь я буду учиться с другими волшебниками, я смогу найти себе друзей. Неужели это случилось?!»

Римус продолжал читать, не разбирая смысла прочитанного. Тут же, в своей фантазии, он видел себя лучшим учеником школы, к нему приковано все внимание учителей, а толпы друзей только и ждут, когда он скажет веселую шутку или позовет на самое захватывающее приключение:

— ...Учебный год начинается 1 сентября. Ждем от вас ответного письма не позднее 31 июля. Заместитель директора школы Минерва Макгонагалл, – Хоуп закончила читать вслух за Римуса, заглядывая в письмо через его плечо.

На втором листе письма находился список необходимого для первокурсников.

— Ну что! – потирал руки Лайелл, – Ответом я займусь позже. Завтра по магазинам!

Уильям смотрел на него с недоверием:

— Это где же такие магазины?

— Самые известные, конечно, в Лондоне! В Косом переулке! Кое-какие есть и тут в Бристоле, но мы все вместе должны побывать именно в Лондоне. Там есть все необходимое. И к тому же вам, Уильям, необходимо прибыть в министерство магии не позднее завтрашнего вечера. Собирался как раз сегодня вам об этом сказать.

Остальные посмотрели на почтальона, который явно испугался этой новости:

— Это еще зачем?

— Скажем так, вас официально посвятят в мир волшебников, это даст вам некоторые права на посещение заколдованных районов. Формально вас поставят на учет как сквиба, и вы сможете посещать те места, которые недоступны маглам. Вы сможете открыть свой счет в волшебном банке Гринготс, пользоваться волшебными деньгами и покупать необходимое в волшебных магазинах и лавках. Если захотите, вы даже сможете найти работу в нашем мире. Правда, она вряд ли будет высокооплачиваемой, так как вы не волшебник.

— Звучит как сегрегация. – сказал задумчиво Уильям.

— Что, что? – спросили Лайелл и Римус.

Хоуп участливо посмотрела на почтальона и положила ему руку на плечо:

— Уильям, не расстраивайтесь! Поверьте, я сама не в восторге от некоторых правил волшебного мира, но как только вы узнаете его ближе – он вам понравится. Там столько всего интересного! Пока Римус будет в школе и я смогу узнать гораздо больше..., – Хоуп размечталась о своем свободном времени. Но Лайелл и Римус был увлечены рассказом Уильяма и

не слышали ее. Почтальон объяснял, что такое «сегрегация» на примере последней страшной войны.

Ранним рейсом, на поезде, идущем из Бристоля в Лондон, выехала группа из четырех человек. Со стороны группа выглядела как большая дружная семья с дедушкой, папой, мамой и ребенком одиннадцати лет. Вряд ли кто-то из других пассажиров догадывался, что в этой группе один взрослый волшебник, один будущий волшебник, один сквиб и один магл. Скорее всего, другие пассажиры и слов таких не знали. Да и вряд ли им было дело в такой ранний час до веселой семейки, даже не смотря на тот факт, что только мама и сын выглядели как обычные пассажиры. Мистер Маркофф одел свой новенький мундир почтальона, так как костюмов для деловых встреч у него не нашлось. Все работники вокзала приветствовали его как «своего». Лайелл одел свой «лучший» бордовый пиджак с тонкой голубой полосой и зеленый котелок. Сколько не убеждала его Хоуп, что маглы так не одеваются, Лайелла было не переубедить. При этом он вполне искренне отвечал:

— Но я ведь не магл!

И Хоуп мудро не спорила. Люпины в силу причин, понятных только волшебникам, не держали дома ни телефона, ни телевизора, хотя Хоуп каждый раз всячески пыталась уговорить мужа купить домой эти магловские штучки – «звенелку» и «говорящий ящик», но безрезультатно. Мир моды для Хоуп открывался из прошлогодних магловских журналов, подшивки которых пылились на почте и, которые любезно стал приносить Уильям Маркофф. Сама она одевалась просто и скромно, но Римуса решили одеть как положено для такого торжественного дня. Для него был куплен светло-серый твидовый костюм с голубой рубашкой без галстука, на ногах черные туфли с каблуками. В таком виде эта пестрая группа села на поезд и около 8 часов утра прибыла в Лондон на вокзал Паддингтон.

На перроне Римус выскочил из вагона вслед за отцом. Огляделся вокруг и остолбенел. Никогда еще он не видел ничего подобного. Огромное пространство вокзала состояло из нескольких пролетов застекленных крыш, держащихся на множестве арок из кованого металла. Пролеты протянулись в длину на целых два футбольных поля. Вся эта мощь нависла над сотнями людей, голоса которых, сливались в единый гул вместе с голосом диспетчера, боем часов и гудками поездов. Этот гул поднимался до самой крыши, откуда, отражаясь падал прямо на пассажиров. Новичков, прибывших на вокзал впервые, это сбивало с толку. Они стояли в растерянности, совершенно не ориентируясь в пространстве. Поезда прибывали и прибывали к платформам, несмотря на ранний час, и скоро толпы людей суетливо забегали вокруг. Шум, гам и дым заполнили все пространство. Хоуп, взволнованная не меньше Римуса, схватила его за руку:

— Римус, не отходи от меня, дорогой. Держись рядом!

Лайелл указал в сторону указателя, направляющего к станции метро:

— Нам туда!

Все четверо двинулись куда указал Лайелл. У перехода в метро стоял мужчина с пышной рыжей шевелюрой и длинными бакенбардами. Одет он был немногим «лучше» Лайелла, в оранжевый клетчатый костюм. Спешащие на службу люди, ныряли в переход, успев с улыбкой оглядеть несколько странно одетых людей.

— Лайелл, доброе утро! Пойдем уже поскорее отсюда. Не нравится мне как маглы на нас глазеют. Доброе утро, Хоуп! Римус! Мистер Маркофф!

— Доброе утро, Мартин! – поздоровался Лайелл в ответ.

— Здравствуйте, Мартин! – сказала Хоуп, слегка запыхавшаяся и сдувающая волосы с лица.

— Доброе утро, мистер Ван Дейк! – сказал Римус.

Уильям кивнул в ответ на приветствие Ван Дейка.

Лайелл повел всех в переход, по дороге объясняя громким голосом, чтобы перекричать шум в переходе:

— Нам надо на коричневую ветку. До Площади Пикадилли доедем все вместе. Вы, Уильям, поедете дальше с Мартином до станции Чарринг-Кросс, оттуда выйдете на улицу Уайтхолл. Дальше Мартин проводит вас до Министерства. Мы выйдем на Пикадилли и пересядем на другую ветку, нам надо добраться до станции Лейстер-Сквер. Там мы сможем выйти на Чарринг-Кросс-Роуд и далее попасть в Косой переулок. Мартин, прошу тебя, отправь Уильяма, как все уладите в министерстве, в бар к Тому. К этому времени мы будем его там поджидать.

— Хорошо, Лайелл! Все сделаю.

Римус и Уильям переглянулись. Никто не понимал, как они собираются отправлять Уильяма в бар к какому-то Тому.

Вся компания доехала до станции Чарринг-Кросс и там уже разделились, как просил Лайелл. На станции Лейстер-Сквер семейство Люпин выбрались из подземки. Сразу было видно, что Лайеллу это не впервой, он чувствовал себя более уверенно, чем его семейство. Бристоль, конечно, крупный город, но там не было и половины такой суеты и толкучки. В Бристоле нет не только метро, но даже трамваев не было. Поэтому Хоуп, проживавшая в провинции, а затем в Бристоле, и Римус, которого никуда не выпускали, чувствовали себя растерянно и подавленно. В подземке было тесно, душно и закладывало уши. Римус не был уверен, что заставит себя вновь спуститься туда. На улице кружилась голова от городского шума, топота сотен ног, шума автобусов и автомобилей. Он крепко ухватился за руку матери и просто быстро шел, почти бежал, за своим отцом, который быстрыми шагами продвигался вперед и, то и дело, оглядывался, чтобы Хоуп с Римусом не отставали.

— Здесь улица спокойнее, Хоуп! – сказал Лайелл.

Они перешли по пешеходному переходу на другую сторону. В этом месте Чарринг-Кросс-Роуд сужалась, стало гораздо тише. По обе стороны улицы тянулись бесчисленные магазинчики и кафе. Римус только успевал крутить головой, разглядывая яркие вывески и краем глаза ориентируясь на отцовскую спину. Пройдя еще немного Лайелл остановился и посмотрел по сторонам, а затем на узкую черную дверь, которая затесалась между двумя магазинчиками. Римус даже не сразу понял на что смотрит отец. Дверь, казалось, сливалась со стенами окружения, настолько она была неприметной.

— Здесь! – сказал Лайелл.

Римус посмотрел на выцветшую вывеску над дверью и прочитал:

— Дырявый Котел... Это... Что это?

— Это бар и гостиница для волшебников и здесь мы пройдем в Косой переулок, а после дождемся здесь нашего почтальона. Попросим у Тома разрешения встретить Уильяма в его камине.

Римус спросил:

— А кто такой Том?

— Том - это хозяин гостиницы и по совместительству бармен. Немного чудаковат, но это ничего!

Хоуп спросила:

— Дорогой, а маглам можно туда?

Лайелл ответил, улыбнувшись:

— А мы никого спрашивать не будем.

Хоуп явно нервничала и волновалась. Римус все еще рассматривал дверь:

— Если не знать заранее, то можно и мимо пройти!

Лайелл усмехнулся:

— Да... На это и рассчитано, мой мальчик. Впервые сюда попасть без проводника невозможно. Ну, пойдемте внутрь. Римус, дружок, тут ты попадаешь на территорию волшебников.

Прошу тебя, будь сдержан. Но при этом вежлив и приветлив, и не более того. У нас волшебников первое знакомство очень важно. По нему о тебе будут составлять свое мнение. Постарайся сначала приглядеться к людям, а затем вступать в разговор. Многое для тебя будет в диковинку, но ты освоишься. Помни, не все волшебники хорошие и добрые. Особенно те, кто хвалятся чистотой своей крови... Эти, сынок, особенно отвратительны. Но ты – Люпин! Ты воспитан, сдержан и умен. Достоинство и доброта твои сильные черты. Помни это!

Лайелл заметил, как Хоуп смотрит на него глазами, полными слез и восхищения, улыбнулся и обнял жену и сына:

— Ну, что же вы! Идем, идем скорее...

Лайелл взялся за ручку и приоткрыл дверь. Римус и Хоуп вошли в полумрак бара. Лайелл вошел последним и закрыл за собой дверь. Римус постоял у входа пока глаза привыкли после яркого уличного света, затем огляделся вокруг. Здесь было совсем не так как в магловских подобных заведениях, которые Римус наблюдал через окна на улицах Бристоля. Пол и стены были выложены большим тесаным камнем, словно в старинном замке. Сразу у входа находилось несколько столиков, за которыми сидели посетители и негромко разговаривали между собой. Они были одеты в самые разные по цвету и фасону мантии, на многих были одеты остроконечные шляпы, похожие на колпаки с полями. Сидевшие за столами ели из деревянных тарелок и пили из деревянных больших кружек, словно XX век сюда не добрался. Римус с интересом все это разглядывал. Прямо у дальней стены выделялся огромный камин, высотой со взрослого человека и длиной такой, что запросто можно было уместить целого быка на вертеле. Камин не был зажжен и смотрел на Римуса огромной черной дырой. Слева от входа находилась лестница на второй этаж, а под лестницей разместилась барная стойка. Когда Римус и его родители прошли к стойке, многие посетители умолкли и стали с любопытством разглядывать вновь прибывших и особенно Хоуп. Наверняка маглы здесь были большой редкостью. Бармен Том оказался пожилой мужчина, лысеющий и с глубокими морщинами на лице, когда он улыбнулся Римус заметил, что у Тома порядком не хватает зубов.

— Мистер Люпин! Рад вас видеть. Что привело вас в наши края? Не уж то, в Косой переулок собрались? – сказал Том, с интересом разглядывая Римуса и Хоуп.

— Доброе утро, Том! Вы угадали. Позвольте вам представить, моя жена Хоуп, – Хоуп слегка покраснела и кивнула головой.

— А это мой сын, Римус! Идем делать первые покупки.

Старый седой колдун, куривший толстую трубку, и ближе всех сидевший к Люпинам, обратился к Римусу:

— О, юный волшебник! Идете покупать первую волшебную палочку?! Как это здорово! Я помню, как впервые пришел сюда и…, – он пустился в длинный рассказ о своей юности, совсем не обращая внимания на то, слушают ли его или нет, пуская табачные облака в виде лошадок и вглядываясь в них словно в воспоминания. Но, надо признать, несколько человек за соседними столиками слушали его очень внимательно. Скорее всего многие и приходили сюда затем, чтобы послушать чужие истории.

Лайелл из вежливости спросил Тома:

— Ну, как идут у вас дела? Все ли в порядке?

Том огляделся по сторонам и подозвал Люпинов к другому концу стойки. Римус наблюдал как Том, что-то горячо рассказывает его отцу. Мальчик подвинулся ближе и прислушался:

— Мистер Люпин, я понимаю, что это не по вашей части, но знаете... ходят слухи, что появился новый, некий закрытый, клуб…, – и он быстро взглянул на Хоуп и Римуса, словно извиняясь, что затеял этот разговор.

— Вот как? – Лайелл явно не хотел слушать фантазии бармена. Здесь собирается самый разный народ. Болтают обо всем и кто на что горазд. Мало ли что может показаться бармену от скуки.

Том, скорее всего, догадался, о чем подумал Лайелл и поспешил уверить его:

— Слухи ползут уже давно! Говорят, что при встрече эти люди пользуются тайными знаками и узнают друг друга по одним им известным деталям… Люди говорят! А вдруг они что-то затевают. А? Как вам такое?

— А с чего вы взяли, что это какой-то клуб?

— Да был тут у меня один пьянчужка. Напьется и рассказывает разные истории. А последнее время все про этот клуб и рассказывал. Что чужих туда не пускают, только проверенных людей. Что привел его туда товарищ и что сам он, в отличии от товарища, проверку не прошел. Потом товарищ пропал. А он начал пить от страха и горя. А теперь и он сам пропал. Уже две недели как не видел его.

Римус заметил, что у отца сделался обеспокоенный вид, но ответил он как ни в чем не бывало:

— Хорошо, Том, я попробую все разузнать. Но, боюсь, что это всего лишь твое воображение.

— Если бы! Иногда бывают почитатели чистокровных, болтают такую дичь, что диву даешься, но хотя бы открыто. А эти люди неизвестно какие цели преследуют… Понимаете?!

У Лайелла был такой вид, будто он жалеет, что вообще стал слушать Тома, зато Римус слушал не отрываясь.

«Интересно! Тайный клуб! О чем это он?» – с любопытством подумал Римус.

— Что вы, мистер Люпин, это не воображение. Послушали бы вы сами рассказы того пьянчуги! – потом, немного помолчав, добавил, – Не желаете ли чего-нибудь выпить?

— Да, пожалуй, мне с женой сливочного пива, а сыну тыквенный сок... И послушайте, Том, когда мы вернемся, могли бы вы зажечь для нас камин? Нам надо будет встретить нашего друга из министерства.

Том наливал пиво и сок:

— Да, конечно, сделаем, мистер Люпин! – и поставил кружки перед гостями.

Римус припал к кружке с тыквенным соком. Ему казалось, что ничего вкуснее он не пробовал. Прохладный сок словно растекался внутри живительной влагой, снимая утреннее волнение и наполняя все тело силой и восторгом.

— Это потрясающе! – Римус облизывал губы.

Том улыбался беззубым ртом, а Лайелл добавил:

— Видишь, сынок, здесь даже тыквенный сок не такой как у маглов. Представь, что сливочное пиво делает, – и они оглянулись на Хоуп.

Она стояла, закрыв глаза от удовольствия:

— Я пробую его в седьмой раз. Но каждый раз оно кажется таким вкусным, что слов нет. Удивительно, как только волшебники не спиваются!

Том рассмеялся:

— Бывают и такие, миссис Люпин! Но в больнице святого Мунго их быстро приводят в чувство.

— Что ж, Том, спасибо! Мы пойдем дальше. Дождитесь нас, пожалуйста.

— Непременно, мистер Люпин. Удачных вам покупок.

Лайелл кивнул и повел свое семейство к заднему выходу. Там они все вместе вышли в узкий коридор, который упирался в кирпичную стену. Хоуп и Римус переглянулись. Лайелл вытащил из кармана волшебную палочку и тихонько постучал по одному из кирпичей. Вместо кирпича появилась щель, которая стала расширятся в разные стороны, раздвигаясь прямо в стене. Наконец стена полностью раздвинулась и через несколько мгновений все они стояли под невысокой аркой. Сразу за аркой открывался совершенно фантастический вид. Все, кроме Лайелла, открыли рты и стояли как вкопанные. Здесь начиналась длинная оживленная улица, наполненная яркими красками и светом. Десятки старинных средневековых каменных доми-

ков протянулись вдоль улицы. Солнце ярко светило и отражалось тысячью маленьких солнышек от блестящих черепичных крыш, стеклянных мозаик на окнах, ярких вывесок на фасадах домов. Люпины двинулись вперед медленным шагом. От всего этого великолепия у Римуса слепило глаза, но закрывать их он не хотел. Боялся пропустить хоть что-то.

— Это Косой переулок. – объяснял Лайелл, – а вокруг нас различные магазины, где можно купить все необходимое.

Толпы волшебников, отцы, матери и их дети сновали по улице взад и вперед. Все они были одеты в мантии самого невероятного пошива и цвета. Редко кого можно было увидеть одетого по магловской моде. Все суетились, заходили и выходили из дверей магазинов и лавок всех мастей. Фасад каждого магазинчика украшала большая стеклянная витрина, массивная дубовая дверь и вывеска над нею. Улица была вымощена гладким булыжником и, петляя, сбегала вниз, упираясь вдали в большое здание с необычной кривой архитектурой. Повсюду шум, гам, которые старались перекричать голоса зазывал:

— Телячьи уши! Один сикль. Паутина японского Спинонога! Десять кнатов. Сушеный майский жук из Персии. Шесть кнатов. Глаза хамелеона – галеон за пару.

— Пергамент. Новый пергамент.

— Мантии. Только что с континента. С водоотталкивающими чарами.

— Метлы! Вот уже четвертый год лидеры продаж Нимбус одна тысяча! А также метлы популярных серий Вихрь, Чистомет и Комета.

Римус только успевал поворачивать голову. Лайелл остановился на мощеной площади на полпути к кривому зданию, здесь по кругу разместились сразу шесть магазинчиков и кафе:

— Хоуп, дорогая! Вот, возьми волшебные деньги. Зайдите с Римусом в это кафе и купите себе мороженое. Я пойду в банк Гринготс и сниму еще денег. Столько всего надо купить. Дождитесь меня и ни о чем не беспокойтесь, здесь самое безопасное место… Не смотря на этот кавардак, - улыбнулся Лайелл.

— Хорошо! Только возвращайся скорее!

— Не волнуйся, я скоро.

И Лайелл зашагал в сторону банка, который напоминал Пизанскую башню с картины, висевшей в гостиной Люпинов.

— Сынок, хочешь мороженного!

— Что? – Римус не сразу расслышал вопрос матери, его мысли были там, за дверями магазинов, – А, да, да... конечно.

Они подошли к небольшому каменному домику, который, как и многие другие, был выстроен в средневековом стиле. На вывеске красовалась надпись «Кафе-мороженое Флориана Фортескью». Перед входом стояло несколько столиков, уже занятых посетителями. Подходя к двери кафе, Римус обратил внимание на троих сидевших за ближайшим столиком и поедающих свои порции мороженого. Это была молодая женщина, одетая как магл. Она все время нервно озиралась по сторонам. Рядом сидели двое детей, девочка и мальчик, по виду одногодки Римуса. Девочка посмотрела в сторону Римуса и улыбнулась ему. У нее были каштановые волосы и невероятные зеленые глаза. Римус встал как вкопанный. Девочка засмеялась. Мальчик, сидевший с ней рядом, оглянулся на Римуса. У него были длинные черные волосы почти до плеч. Кончик носа слегка заострен к низу. Казалось, что его взгляд тяжелый и острый просверлит тебя насквозь. Женщина обратилась к девочке:

— Лили, милая! Что нам надо еще купить? Я так неуютно себя здесь чувствую, что хочется уже поскорее все закончить.

— Мама, ты что? Здесь так здорово! Не переживай, ведь с нами Северус. Он нас везде проведет и покажет. Правда, Сев?

Черноволосый мальчик, поглядывая на Римуса с чувством снисходительного превосходства, ответил:

— Не беспокойтесь, миссис Эванс, со мной не пропадете..., – мальчик запнулся. К ним подошла не высокая худая женщина с бледной кожей и густыми черными бровями. Мама девочки оживилась:

— О, Эйлин, наконец-то! Я уже начала беспокоится не случилось ли чего!

— Не стоило, Азалия, здесь безопаснее, чем в любом магловском городе! В банке так много народа. Вот ваш ключ, юная леди, – и она протянула маленький ключик Лили. – Теперь у вас есть свой счет в банке и своя ячейка.

— Ух, ты... Спасибо, миссис Снейп!

Бледная дама с лицом, полным достоинства и некоторого пафоса в голосе, обратилась к мальчику с черными волосами:

— Северус, сын мой! Ты закончил есть свое мороженое?

Северус подражая матери, с важным лицом, ответил:

— Да, мама!

— Тогда, будь добр, милый, сопроводи всех дам и меня, в том числе, в следующий магазин.

У мальчика от воодушевления загорелись глаза:

— Лили, пойдем скорее! Миссис Эванс, прошу вас. Теперь самое главное! Лавка мистера Оливандера!

Все четверо зашагали в сторону лавки с вывеской «Волшебные палочки от Оливандера».

Римус стоял и не мог оторвать взгляд от девочки по имени Лили. Уходя, она помахала ему рукой. Мальчик по имени Северус больше не удостоил Римуса взглядом. Судя по виду Северуса, он выполнял миссию первостепенной важности и не считал необходимым тратить свое время на всяких незнакомцев. Хоуп, тоже все это наблюдавшая, сказала:

— Пойдем, сынок. Мы ведь с тобой еще никогда не ели волшебного мороженого.

— И верно, мам! Здесь, наверное, и мороженое вкуснее обычного!

Они сели за освободившийся столик. К ним тут же сам собой подлетел небольшой серебряный поднос. Лежавший на подносе кошелек из ярко красной кожи повернулся створками к Хоуп и Римусу и спросил голосом милой старушки:

— Что будете заказывать?

Римус растерялся. Никогда еще в жизни ему не доводилось разговаривать с кошельком. Хоуп быстро оправилась от неожиданности и спросила:

— А у вас есть ванильное мороженое?

Кошелек слегка обиженным тоном отозвался:

— Конечно есть! Ведь это же кафе-мороженое! Одна порция - сикль.

— А можно мне шоколадное? - торопливо спросил Римус.

— Можно. Прошу ваши деньги положить сюда, - при этих словах кошелек полностью раскрыл свои створки, показывая куда именно надо положить плату за лакомство.

Хоуп с опаской положила туда две серебряные монеты и тут же одернула руку. Кошелек захлопнулся и улегся обратно на поднос. Со словами “ожидайте ваш заказ” поднос умчался в распахнутое окно кафе. Через несколько минут Римус с матерью уплетали вкуснейший холодный десерт. Мальчик был счастлив как никогда. Солнце светило ярко. В небе порхали разномастные совы. Повсюду слышался оживленный гул десятков говорящих людей. Прислушиваясь можно было уловить как в чарующий узор разных голосов и интонаций вплетались отголоски иностранных языков. Сразу было понятно, что Косой переулок - это не просто проходная улица, а некий магический центр, где собираются люди со всех концов света. Казалось, что время остановилось, давая Римусу возможность в полной мере насладиться своей принадлежностью волшебному миру. Даже воздух здесь был чист и свеж, словно не было месяца изнуряющего зноя. Похоже, что утомившая всех жара пошла на спад. Римус чувствовал себя прекрасно.

Вскоре подошел и Лайелл.

— Папа, здесь просто потрясающее место! - Римус не переставал крутить головой по сторонам, - Может посидим тут еще немного.

Хоуп кивнула, соглашаясь с сыном:

— Это невероятно, дорогой! Вроде бы вокруг нас люди, но все совсем по-другому.

— Понимаю ваше любопытство, но дел невпроворот. Так, посмотрим список… Нам надо купить мантии, учебники, котел и ингредиенты для приготовления зелий, а главное… Твою первую волшебную палочку, сынок. Так может с нее и начнем?

В лавке Оливандера не было посетителей и царил полумрак. Видимо девочка по имени Лили и мальчик по имени Северус уже ушли в следующий магазин. Здесь пахло плесенью, древесиной и лаком. Римус от неожиданности сморщил лицо. Хоуп спросила:

— Все в порядке, милый?

Римус, кивнул:

— Все хорошо. Просто… этот запах.

Весь магазин был уставлен высокими стеллажами с деревянными полками. На каждой полке лежали узкие картонные коробочки длиной дюймов пятнадцать. Некоторые коробочки были покрыты толстым слоем пыли, словно к ним давно никто не прикасался. Некоторые, напротив, были сделаны из свежего цветастого картона, словно их положили на полки буквально сегодня утром. Небольшая стопка таких коробочек была завернута в оберточную бумагу и лежала прямо на стойке продавца. За стойкой стоял человек и перевязывал обернутые коробки подарочной лентой. Римус подумал, что, вероятно, это и есть сам мистер Оливандер, мастер волшебных палочек. Мастер был человеком в зрелом возрасте, но несмотря на это руки его работали быстро и ловко. Тонкие и длинные пальцы мистера Оливандера были усеяны мелкими порезами и шрамами, некоторые из них были совсем свежими. Седоватые волосы на голове обрамляли худое, усталое лицо, ничего не выражавшее. Кожа была бледной и обвисшей, вероятно он не очень любил выходить на солнечный свет. Мистер Оливандер то и дело прищуривал подслеповатые глаза. Заметив вновь вошедших, он бросил свое занятие и уставился на семейство Люпинов. Быстро пробежал взглядом по всем троим и сказал:

— Мистер Люпин! Рад вас видеть. А это ваши жена и сын! Ага… Значит, молодой человек, желаете приобрести свою первую волшебную палочку? Что ж, я рад, что выбрали именно мой магазин.

— Доброе утро, мистер Оливандер! Вы правы, мы как раз за палочкой! – ответил Лайелл.

И тут Римус заметил, как оживился мистер Оливандер. Лицо его, еще секунду назад совсем отрешенное, прояснилось. Кожа как будто разгладилась, а прищуренные глаза широко раскрылись и, словно лучились серебристым светом. Было понятно, что покупка палочки доставляет ему полнейшую радость.

— И так. Как ваше имя молодой человек?

Лайелл и Хоуп стояли рядом. Хоуп по своей материнской привычке хотела сама ответить на вопрос мастера волшебных палочек. И уже было дернулась в сторону стойки продавца, но Лайелл удержал ее, показывая, что мальчик и сам справится. Хоуп нехотя остановилась.

— Римус… сэр! – ответил Римус.

Мистер Оливандер в это время достал откуда-то снизу деревянный раскладной ящик для инструментов и поставил его на стол.

— Римус? Хм… Интересно! Знаете ли вы что значит ваше имя?

Ящик раскрылся сам собой и из него вылетела короткая деревянная линейка, рулетка, деревянный столярный циркуль и блокнот с карандашом.

— Не знаю, сэр! – Римус с опаской посмотрел на циркуль.

— Какой рукой вы пишете?

— Что? А… я… это.

— Он левша, - выпалила за него Хоуп, которая так разволновалась, что не находила себе места. Лайелл что-то шепнул ей на ухо, и они отошли в сторону, делая вид, что рассматривают внутреннее помещение магазина.

Мистер Оливандер сказал Римусу:

— Вытяните левую руку вперед перед собой и стойте спокойно, не волнуйтесь. Сейчас мы вас измерим. А пока мои инструменты работают, я расскажу историю вашего интересного имени.

Циркуль забегал вокруг руки Римуса, отмечая на линейке определенные мерки, рулетка измеряла рост и окружность головы, карандаш записывал в блокнот эти размеры и производил расчеты, которые, по всей видимости, нужны были мастеру.

— Слышали ли вы о таком великом городе как Рим? Многие именитые волшебники ведут свою родословную именно из этого города.

Римус немного смутился:

— Я читал что-то о Риме вместе с мамой.

— А знаете ли вы кто основал город Рим?

— Э…э…

— Его основателями являются два брата близнеца. Рэм и Ромул. Из имени первого было образовано ваше имя и название самого города.

— Я не знал этого…

— Но самое интересное то, что они были выброшены на берег реки своей матерью. Там их нашла волчица, потерявшая своих волчат. Сосцы ее были полны молока, и она вскормила этим молоком двух человеческих детенышей. Так дикая волчица стала матерью братьям, позже основавшим великий город.

Римус был ошеломлен этим рассказом. Лайелл заметив замешательство сына попытался отшутиться:

— Это всего лишь легенда, сынок.

Мистер Оливандер скомандовал своим инструментам закончить работу, и они послушно убрались в деревянный ящик.

— Так, так, так – скороговоркой произнес мистер Оливандер, глядя в расчеты на листе блокнота. – Теперь посмотрим, что вам подойдет.

С этими словами он отошел к стеллажам и взял целую охапку коробок с полок. Все они были выложены на стол в открытом виде перед Римусом. В них лежали вытянутые узкие округлые деревяшки. Римус сразу догадался, что это и есть волшебные палочки. Они отличались размерами и формой. Одни были гладкими, ровными, идеально отполированными. Другие гнутые, повторяющие естественный загиб ветви дерева. Цвет варьировался от светло-коричневого, до идеального черного, от серого до темно-красного. Размеры от совсем крошечных пятидюймовых, до длинных почти пятнадцати дюймов. Мистер Оливандер отодвинул в сторону самые короткие и самые длинные и оставил палочки примерно равной длины около десяти дюймов. Римус понял, что ему придется выбирать и растерянно посмотрел в сторону родителей, потом на мастера:

— И какую мне выбрать?

— О, не беспокойтесь. Палочка сама вас выберет. Пробуйте каждую по порядку.

— Сама выберет? – Римус немного испугался.

— Да, да. Попробуйте! И вы все поймете.

Римус решил начать с левой стороны выложенного ряда палочек и брать каждую по очереди, совершенно не понимая, что именно надо делать. Он взял в руки первую палочку с большим толстым сучком у основания и вопросительно посмотрел на Оливандера. Тот кивнул головой:

— Просто надо взмахнуть и посмотреть, что будет.

Родители Римуса стояли в стороне и напряженно наблюдали за происходящим. Римус взмахнул палочкой. Б-у-ум! Коробки с палочками посыпались на пол. Римус нервно дернулся:

— Ух ты, какая резвая!

— Нет, не она - сказал Оливандер – давайте следующую.

Римус пробовал следующую…, потом третью…, четвертую. И каждый раз палочки брыкались и не слушались, выстреливая и наводя мелкие разрушения. Мистер Оливандер наблюдал за этим с холодным спокойствием. Упавшие коробки сами ложились обратно на свои места, а нанесенный ущерб тут же исчезал, словно ничего не было. Наконец Римус взял в руки седьмую палочку. Она была идеально ровная, гладкая и светло-желтого цвета совсем свежей древесины. Римус почувствовал, как палочка начала вибрировать в руке, словно желала поудобней улечься в ладонь. Он поднял вверх руку, и палочка осыпала его серебряными искрами. Мистер Оливандер оживился:

— О-о-о! Кажется, то, что надо. Десять дюймов с четвертью. Кипарис и волос единорога. Очень гибкая. Вам досталась очень хорошая палочка, мистер Люпин. Волос единорога одна из самых сильных магических субстанций и моя самая любимая. Ваша палочка не столько для нанесения вреда и разрушений, сколько для созидания, исцеления и защиты. Поздравляю вас.

Римус смотрел на свою палочку, которую еще совсем не знал, но уже любил. Он тихонько погладил рукой поверхность палочки. Из палочки высыпалась струйка искр. Римусу показалось, что она замурлыкала словно кошка, ждавшая ласки своего хозяина.

— Спасибо! Спасибо вам большое, мистер Оливандер!

— Пустяки, это моя работа! Обращайтесь с ней бережно – в голосе Оливандера послышались грустные нотки. Наверное, с каждой покупкой он испытывал как радость, так и горькое чувство расставания со своим изделием.

Лайелл и Хоуп поблагодарили мистера Оливандера за проданную палочку. Лайеел заплатил мастеру, и втроем они вышли из мрачного и темного помещения снова на улицу.

Еще около часа они ходили по всем магазинам, покупали Римусу учебники, школьные мантии, котел для зелий и запасались необходимыми ингредиентами. Время пролетело быстро. Но уже ничто не отвлекало Римуса от собственных мыслей. Он крепко сжимал свою новенькую волшебную палочку. Чувствуя, как привязывается к ней словно к первому волшебному другу. Он думал о палочке и обо всем, что узнал, услышал и увидел за сегодняшний день. С этими мыслями Римус не заметил, как они снова вернулись в «Дырявый котел». Родители увлеченно обсуждали между собой покупки, а Римус предавался собственным фантазиям. Из огромного камина вышел весь перемазанный сажей почтальон. Оказалось, что теперь не надо было ехать обратно на поезде. Мистер Маркофф теперь был официально зарегистрирован как член волшебного сообщества и ему разрешалось путешествовать волшебным транспортом. Хоуп тоже это разрешалось как жене волшебника и работника министерства. Поэтому они все вместе вошли в камин в баре и оказались у себя дома в гостиной. Римус ничего этого уже не помнил. Перегруженный эмоциями и впечатлениями он спал на руках своего отца, который бережно стряхнул с него сажу и положил отдыхать на кушетку. Все трое, Лайелл, Хоуп и Уильям Маркофф смотрели на спящего мальчика и желали ему только хороших снов и счастливого пробуждения. Взрослые тихонько вышли из комнаты и пошли в столовую выпить чаю и обсудить прошедший день. Римус лежал, прижав к себе волшебную палочку. Ему снился огромный старинный замок, где в коридорах сновали туда и сюда ученики и преподаватели. За открытыми створками дверей прятались люди в черных мантиях, а профессор Дамблдор показывал ему на мальчика, очень похожего лицом на Римуса и говорил:

— Это Ромул, твой брат!

Глава V.

Римус едет в Хогвартс.

Жаркий июль сменил мягкий август, который пролетел довольно быстро. И вот уже на подходе маячил симпатичный, но прохладный сентябрь. В доме Люпинов весь последний летний месяц готовились к отъезду Римуса в школу. Все необходимое было собрано. В сотый раз перепроверялись вещи, на случай если что-то забыли положить. Лайелл и Хоуп иногда даже ссорились. Лайелл считал, что Хоуп мешает Римусу проявлять самостоятельность и мальчик «…ничему так не научится…». Хоуп обвиняла Лайелла в том же, что отец при всей своей показной строгости, как раз про воспитание и забывает, дурачась с Римусом все выходные напролет «…нет чтобы заняться чтением учебников перед первым учебным годом или хотя бы просмотреть их…». Родители Римуса хмурились, не разговаривали друг с другом, но их хватало на это ненадолго. Они быстро мирились и начинали всячески хлопотать вокруг сына. Римусу эти хлопоты уже порядком надоели. Он конечно очень любил маму с папой. Но в тоже время хотелось уже поскорее уехать в школу, вырваться из заточения. Ожидание было не выносимо. Сколько раз уже Римус ловил себя на мысли, что просто мечтает не видеть родителей как можно дольше. Римус корил себя, что это плохо, что так нельзя относиться к своим родным, но ничего не мог поделать. Наступал очередной новый день в большом, пустом доме и он мечтал сбежать отсюда. В Хогвартс…! Вот место, которое теперь занимает все его мысли. Скоро…, совсем уже скоро он там окажется. Он станет настоящим волшебником, заведет себе друзей, с которыми они будут вместе учиться и вместе искать приключений. Но… Его болезнь…! Римус старался отгонять такие мысли и ничего не получалось. Каждый раз память ненароком подсовывала ему эту ложку дегтя в бочку меда фантазий. Он успокаивал сам себя, что последний приступ прошел не так болезненно, что ему стало гораздо легче переносить боль и мучения. Римус связывал это с надеждой, поселившейся в его сердце после прихода Дамблдора и получения письма. С такой сильной надеждой ожидания счастья - не страшен Зверь. Все его, Зверя, потуги вырваться на свободу, разбивались о маячившие на горизонте перспективы. И все же… Зверь не исчезал на совсем. Глядя на себя в зеркало Римус иногда замечал в глубине глаз дикий проблеск своего второго я.

Так прошло лето. Наступило 31 августа. Это был вторник. И папа был целый день на работе. Римус вместе с матерью проверяли чемоданы. Как они упакованы и все ли на месте. Волнение возросло до предела. При всем желании смыться поскорей из дома была еще, унаследованная от отца, привычка расслабляться только тогда, когда все задуманные и важные дела закончены. Эта «ужасная» привычка все время мешала Римусу сосредоточиться, каждый раз он снова и снова мысленно сверял содержимое чемодана со школьным списком. Тоже делала и Хоуп, но уже вслух, обращаясь к сыну и перечисляя предметы, не относящиеся к учебе:

— Так, зубная щетка, мыло, полотенце, домашние тапочки… Стоп! Расческа!

— Мам, расческа есть.

— Булавка для галстука…

— Есть…

— Туалетная бумага…

— Мам, ты серьезно…? Думаешь в школе волшебников проблемы с туалетной бумагой?!

Хоуп улыбнулась своей излишней осмотрительности:

— А вдруг? Каждый день видеть драконов и троллей…х-эх… никакой бумаги не напасешься.

Римус тоже улыбнулся и представил, как профессор Дамблдор выходит из школьного туалета, а за ним тянется, прилипшая к тапочкам, белая бумажная лента.

В дверь позвонили.

— Римус, посмотри, пожалуйста, кто там. Наверное, наш почтальон заскучал и пришел в гости.

Римус подскочил к двери и заглянул в дверной глазок. За дверью стоял Уильям Маркофф, нервно перетаптываясь с ноги на ногу и теребя в руках помятый синий конверт. Римус открыл дверь:

— Здравствуйте, мистер Маркофф!

— Римус, дружище… Родители дома…? Я ненадолго… Тут вот видишь… Письмо… От нее… От бабули! – почтальон сильно волновался и речь была несвязная и прерывистая.

— Заходите, заходите… Мама!

— А, это вы, Уильям. Проходите сюда – Хоуп выглядывала из гостиной.

Мистер Маркофф быстро прошел в гостиную и встал, не зная куда убрать руку с конвертом. Он вежливо стал спрашивать, как было положено по правилам хорошего тона:

— Ну как у вас дела? Завтра уже уезжаешь, Римус?! Хорошо там, наверное, в школе. Весело. - было видно, что Уильям хочет что-то сказать, но не решается.

Хоуп была умная и воспитанная, поэтому сама спросила:

— Уильям, вы получили письмо?

— Да, точно! Почтальоны редко сами получают письма… и это пришло так неожиданно… Сова принесла, представляете! Залетела прямо в окно… Красивая такая… Большая… Сидит ухает, а в клюве письмо. Отправитель Мэри Маркофф и адрес Хогвартс. Бабушка моя… В Хогвартсе! – растерянно смотря то на синий конверт, то на Римуса, закончил Уильям.

— Так значит, она написала? С ней все в порядке? – Хоуп обняла почтальона. – Может чаю и все нам расскажете. Скоро Лайелл должен вернуться со службы. Он сегодня должен быть пораньше, а завтра, наконец-то ему дали выходной. Римус ведь едет в школу. Сотрудникам министерства выделяют специальный выходной, чтобы проводить ребенка к поезду в первый учебный год.

— О, прекрасно! Да! От чая не откажусь!

Они все вместе прошли в столовую. Скоро из камина появился Лайелл. Весь перепачканный, взъерошенный, волнующийся. Он быстро пробежал очищающими чарами по себе и ковру и спросил:

— Ну, что? Все собрали, все по местам разложено?! Я купил билет на Хогвартс-Экспресс. Вот! Отправление завтра в одиннадцать часов. Министерство поработало с платформой для поездов маглов и теперь у нас есть своя собственная платформа для посадки. Номер девять и три четверти.

Хоуп уже привыкла к странностям волшебников и не обратила внимания на необычный номер платформы. Она поставила мужу стакан молока:

— Лайелл, дорогой, Уильям получил письмо… и кажется чем-то расстроен… Обед будет готов к пяти.

И уже обращаясь к мистеру Маркоффу спросила:

— Уильям, оставайтесь обедать с нами. Сегодня будет запеченная утка.

— Что? А… да, с удовольствием! Мне так не удобно. От меня столько хлопот.

Лайелл, макая печенье в молоко, успокоил почтальона:

— Да вы что! Нам очень приятно видеть вас в нашем доме. И Римус очень любит, когда вы заходите. Прямо не отходит от вас.

Римус стоял, облокотившись о спинку стула, на котором сидел почтальон и рассматривал его синий конверт. Лайелл спросил:

— Что у вас за письмо, Уильям?

— Моя бабушка прислала. Помните я рассказывал, что Дамблдор обещал от нее письмо. Не знаю, стоит ли открывать, столько лет прошло… Вы уж меня простите… В моем возрасте трудно менять свои привычки. Иногда кажется, что может оставить все как есть?!

Лайеллу стало жаль старого почтальона:

— Уильям, если вы не прочитаете письмо…, может быть потом будете жалеть, что не открыли конверт.

Мистер Маркофф посмотрел на Лайелла:

— Вы правы. Скорее всего так оно и будет.

— Хотите, прочтем все вместе – спросила Хоуп и протянула руку.

Уильям осторожно подал ей в руку конверт. Хоуп погладила по плечу почтальона и присела рядом на соседний стул. Римус стоял возле Уильяма и ждал, когда мама начнет читать. Она надорвала конверт и вытащила письмо. Это был всего один лист белоснежной бумаги, исписанный лишь на одной стороне ярко-синими чернилами крупным красивым почерком.

«Здравствуй, мой милый, милый мальчик! Мой дорогой Венечка! Хотя прости, ты уже не мальчик, а взрослый мужчина, прошедший войну. Но для меня…». В этом месте на письме чернила немного расползлись потому что на лист что-то капнуло. «… для меня ты все тот же мальчик с лицом испачканным малиной и ежевикой. Прости, меня! Прости, если сможешь. Свою старую бабусю-ведьму. Теперь ты знаешь... Знаешь, как не просто устроен мир. Когда закончилась война, я могла тебя разыскать. Но я боялась…» Снова капля. «…боялась того, что могу найти. Столько людей погибло, столько осталось осиротевших душ. Ты очень смелый, мой Венечка, а я… Я не достойна тебя. Я так боялась узнать, что ты погиб, что долго не решалась разрушить свои фантазии и выбраться в реальность. Вот уже несколько месяцев я знаю, что ты жив и здоров. Живешь в Бристоле и работаешь на почте. Дамблдор мне все о тебе рассказал. Я долго набиралась смелости, чтобы написать тебе. Теперь я боялась, что ты не захочешь после стольких лет со мной общаться. Боже, я все время чего-то боюсь. Я так боялась узнать, что тебя больше нет, что теперь боюсь того, что по праву заслужила… Твоего презрения…» На этом месте строка была размазана и Хоуп не разобрала несколько слов. «… и все же я надеюсь, что когда-нибудь снова увижу тебя. Если ты сможешь простить меня, то прошу, напиши. Твоя не смелая бабушка Мария Маркова». Постскриптум: «Знаю, что ты очень дружен с семьей волшебников. Дамблдор очень хорошо о них отзывался. Их сын едет в школу, и мы с ним увидимся. Можно передать письмо через него. Если не захочешь мне отвечать я пойму. Но знай, что я всегда буду любить своего Венечку».

Уильям сидел, закрыв лицо руками. Римус стоял рядом, положив голову ему на плечо и обняв одной рукой. Хоуп вытирала глаза. А Лайелл сопел в свой стакан молока, намеренно отойдя к окну и разглядывая улицу.

Хоуп заморгала глазами и улыбнулась:

— Ну, вот все и разрешилось. Правда!

…

На следующее утро 1 сентября 1971 года все семейство Люпинов и мистер Маркофф, который непременно хотел сам проводить Римуса и увидеть заколдованную платформу, стояли перед входом на вокзал Кингс-Кросс. Только что служебный автомобиль министерства магии, доставил их из Бристоля в Лондон. Расстояние между Бристолем и Лондоном около 120 английских миль или около 190 километров. Магловский автомобиль проделывает этот путь более чем за три часа. Но заколдованный автомобиль обладает целым набором преимуществ. Во-первых, в нем не тесно. Внутри довольно просторно, что с удовольствием отметили про себя сами пассажиры. Во-вторых, он двигался с небывалой скоростью. Стоило авто выехать за пределы города как чернокожий вежливый водитель снял с головы форменную фуражку и произнес:

— Пристегнитесь! Сейчас немного покачает.

Все пристегнулись. Римус уставился в окно и стал наблюдать как увеличивается скорость. И действительно, машина набрала такой ход, что окружающий пейзаж слился и стал похож на картину, намалеванную маленьким ребенком всеми красками какие только были в доме. Римус

подумал, что маглы выставляют такие картины в музеях, выдают за гениальное творчество и продают за немыслимые деньги.

«Наверно поэтому волшебники и называют обычных людей – простаками.» - подумал Римус и почувствовал, что все тело сдавливает какая-то сила. Появилось устойчивое ощущение, что утренняя овсянка чувствует себя неуютно в желудке. Он посмотрел на родителей. Их цвет лица говорил о тех же попытках договорится с овсяной кашей оставаться на месте. И лишь мистер Маркофф сидел и улыбался:

— Тебе не хорошо, Римус?

Римус пытался сделать естественное лицо:

— Нет, все в порядке. А вы хорошо держитесь!

Машина не только неслась вперед с космической скоростью, но еще успевала уворачиваться от встречных машин и обгонять попутные. От этого она на полном ходу покачивалась то влево, то вправо. Почтальон весело ответил:

— Мне старому морскому волку такая качка как бальзам на сердце!

Лайелл посмотрел на него взглядом мученика. Через пятнадцать минут все закончилось. Машина сбавила ход и спокойно въехала в Лондон. Хоуп открыла окно и ловила ртом воздух:

— Лайелл, никогда… никогда больше… не вызывай для нас министерскую машину… я больше такого не вынесу.

Лайелл посмотрел виновато на жену и сына.

— Да, пап… лучше через камин… в Дырявом Котле – вставил Римус.

И только мистер Маркофф был счастлив:

— А я бы не отказался прокатиться с ветерком еще разок.

Почтальон высунул голову в окно и разглядывал улицы Лондона. Он не был здесь с тех пор как сам Георг VI вручал морякам награды. Его вытянул из воспоминаний голос Лайелла:

— А вот и Кингс-Кросс!

Машина остановилась на Пэнкрас Роуд. Все вышли. Лайелл забрал багаж, поставил чемодан Римуса на тротуар, и только хотел поблагодарить водителя за быструю доставку, оглянулся, а машина уже исчезла.

Римус помнил какое впечатление на него произвел вокзал Паддингтон, но правда изнутри. Вокзал Кингс-Кросс снаружи казался просто гигантским. Две огромные арки представляли собой фасад главного здания вокзала. Между арками высилась башня с часами. Все здание было облицовано желтым кирпичом. От арок протянулись вдаль два длиннющих застекленных свода. Римус увидел, как под этими сводами собираются огромные манящие клубы дыма. Воздух был свеж и прохладен, а белый пар от паровозов походил на густые облака. Римусу захотелось окунуться в эти облака:

— Мама, пойдем скорее туда… к поездам.

Хоуп неохотно пошла, влекомая за руку сыном. Чем ближе они подходили к высоченной арке, тем сильнее Римусу хотелось сесть в Хогвартс-Экспресс. Но Хоуп явно не торопилась. Она всеми силами пыталась оттянуть время посадки на поезд:

— Римус, милый, может посмотрим на вокзал.

— Мама, ты что! Там же наш поезд… волшебный.

Какой-то магл сидел на скамье у входа на вокзал и читал газету. Услышав Римуса, он пробурчал себе под нос что типа «… деревенские… для них все поезда волшебные». Лайелл понимал, почему Хоуп сопротивляется и не хочет идти внутрь, он сам испытывал те же чувства. Родители Римуса вдруг осознали, что не увидят своего мальчика до самого декабря, когда начнутся рождественские каникулы. Мистер Маркофф боролся между желанием увидеть волшебный поезд и жалостью к родителям Римуса. Лайелл взял у входа тележку для багажа:

— Римус, дружок, давай положим твой чемодан сюда… Хочешь сам покатить?

— Конечно хочу!

Римус весело покатил тележку вперед по перрону, аккуратно обходя группы маглов, и ныряя в клубы белого пара. Трое взрослых не спеша шли сзади.

— Римус, иди до платформы с номером девять.

Римус катил багаж, рассматривал таблички с цифрами на столбах и отсчитывал номера платформ:

— Так, третья…, пятая…, седьмая…

Краем глаза он заметил, что толпа сильно поредела. Римус оглянулся. Сзади только родители и мистер Маркофф и несколько человек с такими же как у него тележками. Похоже в такой час маглы сюда не заходили. Лайелл подошел к сыну:

— Смотри вон на тех людей. Увидишь, что будет!

Лайеел кивнул на группу людей, которые встали возле столба с номером девять на табличке. Это были две маленькие компании. Одна компания – мама и папа с сыном. Этот мальчик, похоже, был одногодка Римуса, такой же худощавый, как и он сам, с черными взъерошенными волосами, на носу очки. Его родители были уже не молоды, они улыбались мальчику и что-то говорили. Римус услышал только, что мальчика зовут Джеймс. Прямо у самого кирпичного столба с номером платформы стояла вторая компания. Девушка лет шестнадцати или семнадцати и мальчик, тоже ровесник Римуса. Девушка и мальчик были похожи как брат и сестра, оба с красивыми чертами лица. Римус невольно залюбовался ими. У мальчика были черные вьющиеся волосы немного длиннее чем положено мальчикам, в серых глазах плясали шаловливые огоньки, ему явно было трудно устоять на месте. Он что-то горячо говорил своей сестре, словно поддразнивая:

— Давай, Мэд…!

У девушки были темные густые волосы чуть светлее, чем у брата, красиво распущенные, они волнами ниспадали до поясницы. Лицо было с правильными, четко прорисованными, чертами. Сестра и брат были одеты с иголочки. От них веяло лоском и напыщенностью. И вообще во всем внешнем виде чувствовалась некая аристократическая порода. Было видно, что эта парочка не из простой семьи, а из состоятельной. Но при этом держались брат с сестрой очень свободно. Казалось, что принадлежность к высшему обществу им порядком надоела и они просто мечтали пошалить как обычные подростки. Девушка осторожно потрогала кирпичную стену столба. Все, стоявшие на перроне, наблюдали за ее действиями. Римус уже понял, что, собравшиеся на девятой платформе, люди – это волшебники. До него только сейчас дошло, что папа называл номер платформы «… номер девять и три четверти.» Но табличка на кирпичном столбе имела только цифру девять с одной стороны и цифру десять, с другой стороны. Значит… Римуса вдруг озарило. Он вспомнил раздвигающуюся стену в Косом переулке.

— Мы должны пройти сквозь эту стену? – Римус указал на кирпичный столб.

Лайелл улыбнулся:

— Ты смотри, смотри…

Девушка заметила, что на нее обращено внимание окружающих и в ее глазах заиграли такие же дьявольские огоньки, как и у брата. Она хохотнула:

— Ну что, слабо, Сириус?

— Кому? Мне…? – задохнулся от возмущения ее брат.

Сестра резко прыгнула в стену и исчезла, словно прошла внутрь. Римус был сам не свой от восторга. Он обежал вокруг столба. Девушки по имени Мэд нигде не было. Мальчик по имени Сириус со словами «… ах ты, ну вот я тебя» сиганул вместе с тележкой прямо вслед за сестрой и тоже исчез. То же проделал другой мальчик – Джеймс, и его родители. Лайелл спросил:

— Ну что? Готов, сынок.

— Угу… - Римус кивнул головой. Он напряженно смотрел на кирпичную стену и сжимал ручку тележки.

— Надо просто войти в стену. Не бойся. Это всего лишь волшебство. С тобой пойдет Уильям, мы с мамой останемся. Маме здесь не пройти. Так что давай прощаться!

Похоже Лайелл откладывал до последнего известие о том, что до поезда они не пойдут. Римус посмотрел на маму и у него сжалось сердце. Хоуп стояла и смотрела на своего сына глазами, полными слез и отчаяния. Мама…, его любимая мама остается здесь. Он не будет видеть ее несколько месяцев. Римусу вдруг расхотелось ехать. После долгого ожидания отъезда, желания сбежать из дома, теперь он вдруг почувствовал горькую тоску первого расставания. Римус бросил тележку и кинулся к матери, обнял ее и сквозь слезы зашептал:

— Я не хочу… не хочу никуда ехать. Хочешь я останусь?!

— Нет, нет! Что ты, милый, тебе надо ехать! Ты должен учиться, мой родной. Ты должен стать настоящим хорошим волшебником. Я горжусь тобой, сынок! Я буду писать тебе каждый день. Все будет хорошо!

Хоуп плакала, глотала слезы и обнимала своего мальчика. Уильям отвернулся, разглядывая рельсы. Лайелл, чуть севшим голосом прохрипел:

— Ничего страшного, скоро увидимся…! О, черт…! Уже почти одиннадцать. Уильям, вы проводите Римуса?

— Конечно, конечно…!

— Уильям, мы будем ждать вас здесь. – Хоуп с трудом выговаривала слова.

Римус немного успокоился и постарался улыбнуться отцу. Теперь уже Лайелл сжимал его в своих объятиях:

— Учись хорошо, сынок. Слушайся преподавателей. Тебе повезло с директором, так что ты не очень-то там шали. Мы с мамой все узнаем. Пиши нам обязательно.

Римус вытер рукавом глаза:

— Пап, я вас не подведу, обещаю!

— Ну…, иди… Иди, сынок!

Уильям взял Римуса за руку, другой тот тянул за собой тележку с чемоданом.

— Мам, пап, люблю вас! – слова словно стекло резали горло так больно, что Римус никак не мог взглотнуть и вот они, вместе с почтальоном, шагнули в стену.

На мгновение Римусу показалось что он шагнул в комнату без света. Всего доля секунды прошла и вот он уже опять на вокзале, но только… другом. Здесь не было крыши и всего один длинный перрон. На путях под открытым небом стоял красавец паровоз алого цвета. Вокруг него кружили целые облака густого белого пара. Паровоз подал протяжный гудок, извещая пассажиров о скором отправлении. Большие вокзальные часы на платформе показывали без пяти минут одиннадцать. Римус огляделся вокруг. Было очень много народа, в основном родители, которые провожали своих детей в школу. Ему опять стало тоскливо. Ведь его мама с папой остались там, за стеной. Жаль, что маме нельзя сюда пройти. Хорошо хоть мистер Маркофф здесь и проводит его. Вагонов было немного. Они остановились у первого и стали разглядывать волшебный паровоз. Другие волшебники сновали по перрону туда-сюда и не обращали на Римуса ни малейшего внимания. Зато мистер Маркофф со своим служебным мундиром не вписывался в общую картину и многие с любопытством посматривали в сторону почтальона, а некоторые даже указывали на него пальцем. В стороне блеснуло что-то зеленое. Римус повернулся посмотреть, что это так сверкает. Взрослый волшебник в черном плаще что-то горячо внушал юноше с косматыми бровями, то и дело оглядываясь по сторонам, на его правом запястье висел браслет из маленьких зеленых камней, связанных между собой кожаной нитью, словно четки. Браслет был отполирован до блеска и, при взмахе руки, отражал утреннее сентябрьское солнце. Похоже, он пытался втолковать юноше последние напутствия слишком усердно. Юноша явно был не в восторге, но послушно стоял. Римус ненароком услышал несколько фраз:

— Пойми, Адэр, это важно… Мы начинаем большую работу. И награда за нее очень высока.

— Хорошо, папа! Я понял. Буду стараться…

Римус отвернулся. Поезд издал короткий гудок.

— Ну вот, кажется мне пора, мистер Маркофф! Пишите мне вместе с родителями. Хорошо?! И я буду писать, и все-все рассказывать про свою школу. Скажите папе с мамой, что я люблю их!

— Непременно скажу. И буду писать… И…, знаешь… Ты не мог бы передать это моей бабушке?

С этими словами Уильям достал обычный почтовый конверт с короткой надписью - «Мэри Маркофф» и протянул его Римусу.

— Хорошо, передам…

Поезд издал еще один короткий гудок. Пора было отправляться. Римус выхватил чемодан из тележки, запрыгнул на подножку вагона и замахал почтальону:

— Вы будете по мне скучать, Уильям?

— Конечно, мой мальчик! – Мистер Маркофф пальцами стал потирать свой глаз. – И ты не забывай своего сквиба.

Поезд начал отходить. Провожающие как один двинулись по перрону в ту же сторону. Все махали руками, кричали последние напутствия. Кто-то улыбался, кто-то плакал. Римус смотрел на удаляющуюся фигуру доброго почтальона, все еще сжимающего ручку пустой тележки, вспоминал родителей и чувствовал вместе с горечью расставания необъяснимое облегчение. Ведь впереди его ждали новые времена и новые испытания. И какими они будут не знал никто. От этого захватывало дух, словно тебя подбросили вверх и ты, набрав высоту, начинаешь падать, счастливый и испуганный одновременно.

Поезд полным ходом мчал через поля. Римус еще немного постоял в тамбуре, разглядывая однообразный пейзаж и, затем, протиснулся с чемоданом в вагон. Первый пассажирский вагон был полупустой. Здесь не было купе, а только несколько деревянных скамеек со спинками в два ряда. На скамейках, расположившись по двое, сидело с десяток человек. Один из сидевших старшекурсников окликнул Римуса:

— Эй! Ты почему здесь? Тебе нельзя здесь находится! Это вагон для старост.

Это был крупный и высокий юноша, довольно грозного вида. На его груди блеснул серебряный значок с надписью - «Староста школы». Римус огляделся, у всех сидевших были такие значки. Только цвета значков разные. Красные, зеленые, желтые и синие и на них красовалась большая буква «С».

— Грюм, оставь мальчика в покое! – С одной из скамеек встала девушка, которую Римус видел на вокзале вместе с ее братом, и направилась к ним. На ее груди блестел серебряный значок с зеленым гербом.

— Андромеда, я разберусь.

Девушка встрепенулась и проговорила, выделяя каждое слово:

— Не называй…! Меня…! Андромеда…!

И Римус увидел, как цвет ее волос начал меняться. Из шатенки в ярко оранжевый цвет. Она заговорила тихим угрожающим тоном:

— Может он заблудился!

— Ага…, в первом вагоне…!

Девушка смотрела на него не отрываясь, Грюм не хотя согласился:

— Ладно, ладно…, Мэд. Вечно ты с ними сюсюкаешься.

Грюм присел на свою скамью, взял в руки книгу с названием «Как распознать врага!» и углубился в чтение. Мэд обратилась к Римусу:

— Я видела тебя на вокзале вместе с твоими родителями. Как тебя зовут? Ты в первый раз едешь на школьном поезде?

Римус кивнул, потом ответил:

— Меня зовут Римус… Римус Люпин…

— М-м-м, Люпин… Знакомая фамилия… Что ж, будем знакомы, Римус. А я Мэд. Пойдем поищем тебе место в других вагонах, со старостами тебе ехать нельзя.

Римус послушно пошел следом за девушкой.

— Ты не обижайся на Аластора…

— На кого…?

— Тот парень, который к тебе прицепился. Аластор Грюм. Это наш лучший ученик школы. Он на самом деле парень не плохой. Только везде ему мерещатся происки темных сил, у-у-у… - она сделала страшное лицо и рассмеялась.

— Грюм мечтает стать великим мракоборцем…

— Мракоборцем? Это же здорово…!

— Наверное. Но я бы не хотела работать в министерстве…

— Мой папа работает в министерстве!

— Вот как…! Тебе, наверное, повезло…!

Мэд замолчала и Римус сам заговорил:

— А я тоже тебя видел на перроне с братом.

— А…, это Сириус, мой кузен. Как и ты поступил на первый курс. Может быть будете учиться с ним на одном факультете.

— А как это у тебя с волосами здорово так получается?!

— Это…, это мое проклятие. Я метаморфомаг…

Римус хотел было спросить, что это такое, но Мэд его опередила:

— Это способность менять свою внешность по собственному желанию. По-моему, совершенно бесполезная и ненужная штука. Надеюсь, когда у меня будет дочь, то эта зараза к ней не пристанет.

Они прошли второй вагон. Здесь уже были купейные места. В третьем вагоне в одном из купе Мэд увидела Сириуса. Она раздвинула застекленные двери и обернулась к Римусу:

— Ну, заходи, знакомься со своими новыми друзьями.

Мэд оглядела купе и уставилась на своего кузена:

— Вижу вы тут не плохо устроились, сударь. Это хорошо. Вот тебе новый сосед. Я пойду проверю остальные вагоны. Не забудьте перед приездом переодеться в школьные мантии. Если, что зовите!

Сириус крикнул ей вслед:

— Увидимся, Мэд! – и перевел взгляд на Римуса, - Привет, давай к нам.

Сириус постучал ладонью по дивану, на котором сидел он и мальчик в очках. Тот самый что был на вокзале в одно время с Римусом. Мальчик протянул руку:

— Будем знакомы! Я Джеймс… Джеймс Поттер.

Джеймс нисколечко не тушевался. Держался уверенно. Из-под очков на Римуса смотрели умные карие глаза, однако в них без труда угадывался к тому же блеск непоседы и задиры. Его черные волосы на голове торчали в разные стороны и Джеймс как бы случайно их еще больше взлохматил. Римус в ответ пожал руку Джеймса.

Сириус тоже представился:

— А я Сириус Блэк.

Глаза Сириуса блестели тем же огнем. Казалось, что в поезде встретились две родственные души. Сириус придвинулся к Джеймсу и дал место Римусу. Римус присел немного смущенный новым знакомством:

— А я Римус … Римус Люпин.

Сириус задумчиво прикрыл глаза, вспоминая:

— Люпин, Люпин… Твой отец работает в министерстве?

— Да… - озадаченно ответил Римус.

Сириус продолжал:

— У моего семейства в Ирландии есть старинное поместье. Так вот, я помню, что неподалеку в лесу завелась банши.

Джеймс с интересом вскинул брови и слушал, но по его лицу можно было прочитать что-то типа «…Вот заливает!». Римус не стал переспрашивать кто такая банши. Что-то он, конечно, знал из папиных рассказов, но это слово было новое.

— Сделали запрос в министерство и прибыл волшебник ликвидатор. Кажется, фамилия у него была Люпин.

Римус почувствовал внутреннюю гордость за отца:

— Да, наверное, это был мой папа. Он как раз такой работой занимается. Про банши не скажу, но про ловлю привидений и боггартов я точно слышал.

Джеймс с уважением посмотрел на Римуса:

— А ты сам видел боггарта?

— Нет, не видел…

— Говорят, что все видят его по-разному…

Сириус стал гадать как должен выглядеть боггарт по его мнению. Джеймс присоединился к фантазиям Сириуса, и они вдвоем увлеченно начали называть самые невероятные образы, какие только мог принять боггарт. Было видно, что они уже успели познакомиться друг с другом до Римуса и непринужденно болтали как старые приятели. Римус стал разглядывать купе и других пассажиров в нем. На диване напротив в самом углу сидел скрючившийся мальчик. Он явно чувствовал себя не в своей тарелке. Волосы на голове мальчика были почти мышиного цвета, глаза серые, водянистые, потупленный в пол взгляд. Он сидел и ковырял свою ладонь, не зная, чем заняться. Мальчик был совсем маленьким. Если бы Римус встретил его на улице, то подумал бы, что ему нет и десяти лет. Мальчик посмотрел на Римуса и тут же отвел взгляд. Рядом с мальчиком сидела еще пара учеников. Римус посмотрел на них и чуть не подпрыгнул на месте. Это были мальчик и девочка, которых Римус встретил в кафе Флориана Фортескью. Они увлеченно беседовали друг с другом. Девочка увидела Римуса и улыбнулась ему также как при первой встрече и кивнула головой. Римус кивнул в ответ. Ее собеседник – мальчик с заостренным носом с горбинкой взглянул на Римуса, но тут же отвернулся и продолжил свой рассказ. Римус прислушался.

— Понимаешь, Лили, ученики в школе разделены на факультеты…

— На факультеты…?

— Да. Их всего четыре. Слизерин, Пуффендуй, Когтевран и Гриффиндор. Будет отбор… Ну, кто куда… Распределение…

— Распределение…? Северус, ты ничего раньше не говорил про распределение…

— Это не страшно… У каждого факультета своя история и свои достоинства. Но хорошо бы нам с тобой попасть в Слизерин. Там…

— Чего…? – Джеймс вмешался в их разговор.

Римус сообразил, что Джеймс, как и он, тоже прислушивался к этой парочке.

— Кто это собрался в Слизерин?

Северус повернулся лицом к Джеймсу:

— Ну я!

— Оно и видно…

Северус вспыхнул:

— Что…? Что видно?

— Да ничего… Только твои подшитые брюки... За папашей донашиваешь? Куртка тоже с него?

Северус был красный от стыда и гнева, на глазах блеснули слезы обиды:

— Да как ты смеешь?

Джеймс, взъерошивая свою, и без того беспорядочную, прическу, снисходительно улыбался:

— Ладно, живи…

Сириус, кажется, был доволен маленькой стычкой и с удовольствием наблюдал за перепалкой. Северус вскочил на ноги и хотел было что-то сказать в ответ, но Лили тоже вскочила и поволокла Северуса к выходу:

— Северус, успокойся! Пойдем отсюда…

— Иди, иди… Нюниус…!

— Да я… - Северус хотел уже броситься на Джеймса, но Лили сумела его удержать и вытолкнула из купе. Напоследок она испепелила взглядом «…этого наглого очкарика» и прошептала ему выходя:

— Какой же ты мерзкий!

Джеймс, явно довольный собой, в ответ только покривлялся:

— Ой, ой, ой. Подумаешь!

Лили и Северус ушли искать другое купе. Римус был растерян и озадачен. Джеймс все еще не мог успокоится:

— Какой идиот захочет учиться на Слизерине?! Ведь это же факультет темных волшебников. Да если бы меня распределили на Слизерин, я бы сразу ушел бы из школы. А? Сириус…? А ты…?

Сириус откинулся на спинку дивана и вздохнул:

— Вся моя семейка училась на Слизерин…

— Вот черт, а ты мне показался таким… нормальным.

— Надеюсь, я нарушу эту традицию!

Странно, с одной стороны, Джеймс вызывал у Римуса симпатию своей прямотой и уверенностью в себе. Но с другой стороны ему было жаль мальчика по имени Северус. Хорошо ли осуждать человека за поношенную одежду? Римус был сбит с толку. Сириус посмотрел на забившегося в угол мальчика с мышиными волосами. Похоже, что до сей поры его вообще никто не замечал, кроме Римуса. Сириус спросил:

— Эй, ну а ты…? Ты кто такой?

— Я Питер… - пропищал мальчик тоненьким голосом, - Питер Петтигрю…

Джеймс посмотрел на Питера:

— Что ж, Питер! Ты то, надеюсь, не собираешься на Слизерин?

Питер улыбнулся, замотал головой и пропищал дрожащим голосом:

— Нет…

Кажется, он был рад, что его заметили и завели с ним разговор. В коридоре показалась тележка со сладостями. Сириус обрадовался:

— О, то, что надо! Я угощаю…

Джеймс похлопал Сириуса по плечу:

— Ладно…, тогда в следующий раз угощаю я!

— Идет!

Они вдвоем подошли к тележке и стали выбирать что купить. Сзади подошли Римус и Питер, и молча выглядывали из-за спин своих новых товарищей. Джеймс набрал шоколадных лягушек и лакричных палочек, Сириус наложил себе тыквенного печенья и сдобных котелков. Питер замешкался и Сириус хлопнул его по плечу:

— Смелее, Питер! Я плачу!

Питер стал лихорадочно набивать в карманы конфеты, батончики и жевательные резинки. Римус смотрел на эти сладости впервые и не знал, что выбрать. Сириус и его подбодрил:

— Римус, не стесняйся! Бери что нравится...

Римус взял упаковку швейцарских вафлей, баночку с надписью - «Сингапурский сыр с арахисом» и несколько шоколадных лягушек, которые были ему в диковинку, но показались самыми интригующими и аппетитными. Все четверо снова расселись в своем купе. Выложив свои сладости на сиденье они с упоением начали поедать добытое. Небольшой инцидент с мальчиком в поношенной одежде тут же забылся. Римус снова испытывал симпатию к Джеймсу и Сириусу.

— Все-таки хорошо жить на свете, когда есть такие вкусности, - рассуждал довольный Сириус.

— Это точно, - вторил ему Джеймс с набитым ртом.

— Моя мамаша скверная и жадная особа, но мы с братом не были обделены ничем, а вот сладости нам запрещали есть вдоволь. Берегли наши зубы.

Римус спросил:

— А чем занимаются твои родители, Сириус?

— А…, - отмахнулся Сириус, — Они богатые аристократы, у них большое состояние и они не работают. Считают это ниже своего достоинства. А твои, Джеймс?

— Мой папа Флимонт и мама Юфимия владеют компанией по производству средства для ухода за волосами.

Все посмотрели на него. Сириус хмыкнул:

— Неплохо…

Джеймс добавил:

— Не слышали про «Простоблеск»? Его мой отец изобрел. Помогает делать укладку непослушных волос.

На что Сириус ему заметил:

— Кажется тебе Простоблеск не помогает.

Джеймс рассмеялся:

— Да ты что…! Чтобы я пользовался всякими косметическими штучками… Ага… Щас!

И тут же Джеймс принялся лохматить свою голову.

Римус слушал своих новых товарищей и открывал шоколадную лягушку. Полюбовавшись карточкой, на которой был изображен седовласый волшебник, он прочел название «Бимиш Освальд – борец за права гоблинов». Стряхнул с себя шоколадные крошки и отправил лягушку в рот:

— Здорово! Я такого шоколада еще не ел… Ай! – его шоколадная лягушка вдруг ожила и квакнула.

Римус от неожиданности отбросил лягушку Питеру на штаны. Питер подскочил и завопил:

— Где она? Где она? Куда она подевалась?

Джеймс и Сириус покатились со смеху. Римус с Питером скакали по купе, пытаясь поймать лягушку, у которой уже была откушена голова.

— Она что? Живая? Я откусил голову живой лягушке?

— Да ты что! Она шоколадная, просто заколдована. Если зазеваешься – она сбежит, - успокаивал Римуса Джеймс.

Дверь купе открылась. В проходе, собираясь войти, стоял старшекурсник. Мимо прошел еще один школьник. Старшекурсник согнул руку в локте и прижал сжатый кулак к груди, как бы приветствуя проходящего. Тот кивнул и пошел дальше. Старшекурсник зашел в купе к мальчикам. Желтое лицо, тонкие сжатые губы и косматые брови. Римус его узнал. Это был тот

самый юноша, которому волшебник с зеленым браслетом что-то объяснял на перроне возле поезда. Римус заметил, что в воротнике его мантии торчит булавка с камнем точно такого же цвета как сам браслет. По виду юноше было лет пятнадцать или шестнадцать. Голос его был неприятен, ломаный с хрипотцой:

— Что тут у вас, детки? А? Ловите шоколадных лягушек?

Джеймс с Сириусом перестали смеяться и одновременно поднялись со своего места:

— Где это он увидел деток? А, Сириус? Может у него со зрением плохо?

— Так мы это сейчас быстро исправим.

Сириус выхватил палочку. Джеймс тоже. Римус с Питером притихли и молча наблюдали. Юноша рассмеялся:

— Что вы собираетесь делать…? Лучше не начинайте. Вы ведь даже еще не первокурсники. Можете покалечиться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.